

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН

ГЛУБОКО. ПРОНЗИТЕЛЬНО. НЕЖНО

18+

ЭТО ПИТЕР, ДЕТКА!

Ринат Рифович Валиуллин

Глубоко. Пронзительно. Нежно

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70226821

Глубоко. Пронзительно. Нежно: Издательство АСТ; М.; 2024

ISBN 978-5-17-158795-6

Аннотация

Питер – в него влюбляются с первого взгляда. Со второго хотят остаться. С третьего пытаются понять, с четвертого начинают жить вместе, с половины пятого и допоздна ищут здесь себя и своего человека независимо от погоды и цвета ночи. Питер – это история, возможно, самая интересная, которая может случиться с тобой. Именно эти взгляды на жизнь в трех петербургских романах, полных белых ночей, разводных мостов и состояния – Питер.

Содержание

От автора	5
Безумие белых ночей	8
Конец ознакомительного фрагмента.	194

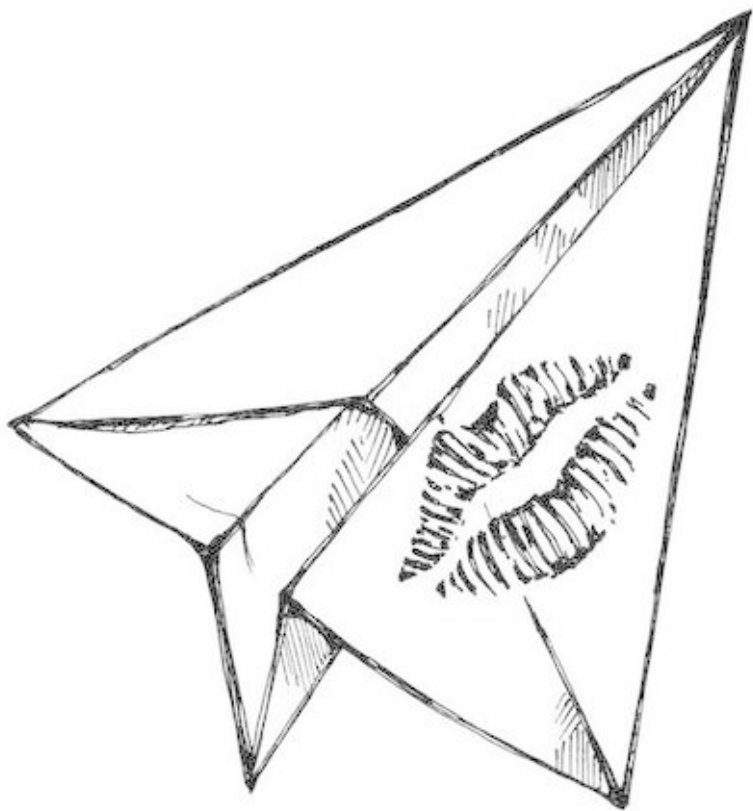
Ринат Рифович Валиуллин
Глубоко.

Пронзительно. Нежно

© Р. Валиуллин

© ООО «Издательство АСТ», 2024

От автора

Примерно до тридцати я жил как бессмертный. Некото-

рые живут так всю жизнь. Такие обычно чего-то ждут. А ждать оказывается не надо, надо идти навстречу. Осознание этого и есть подготовка к старту. В лучшем случае жизнь меняется после тридцати. В худшем – не меняется. Однажды мне надоело болеть за других, я понял, что больше всего меня интересует только одна экстремальная игра, под названием собственная жизнь. Она и есть самый большой экстрим, потому что одна, что бы ты ни делал, ты рискуешь... разочароваться. Там, где я рос романтиком, дымил комбинат, а вокруг него жили зеки и работяги. А те зеки, что выходили на волю, оставались в нашем городке. Его окружало четыре зоны, которые так и не смогли взять в плен таких ребят как я, чьим главным талантом было не только умение махать кулаками, но и отвечать за свои слова. К концу школы я почувствовал, что вырос из этого города, родные дворы мне стали малы. Я вышел из провинциального плена и попал в Питер, в плен интеллектуальный.

Я вошел в него через парадный вход, через Арку Главного штаба. Зимний напомнил мне чем-то преувеличенный Дворец культуры «Нефтехимик» моей провинции, только культуры катастрофически больше, по крайней мере, на улицах Питера помимо достопримечательностей никто не цеплялся. Все были заняты поиском себя, своего человека, своего пути, всех их выгодно отличало то, что они жили сегодняшним днем, поэтому и не старели. В минуты переживаний им достаточно было выйти к Неве, где Александрийская игла и

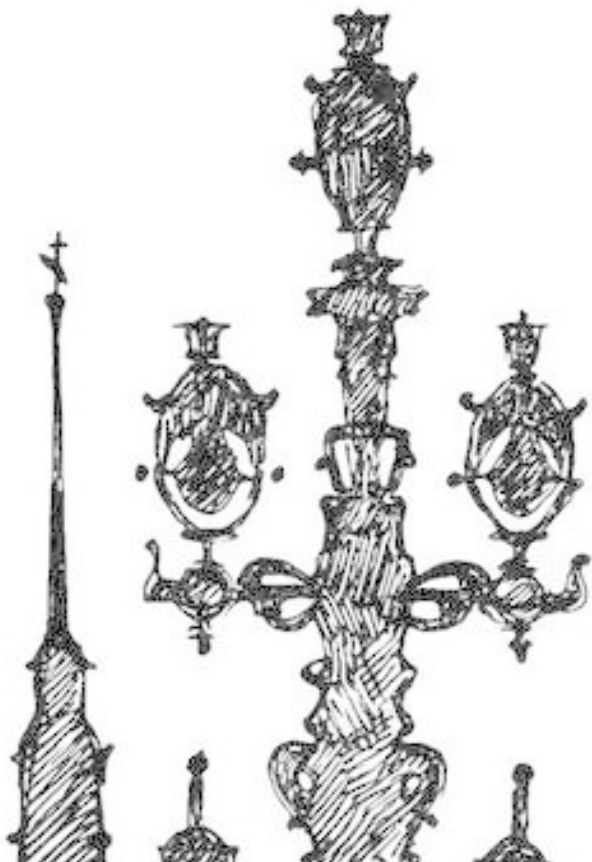
свежий ветер перемен легко могли заштопать любую душевную рану. Я не сразу понял, что жизнь — это наслаждение, а молодость — это сегодня. Чем больше ты живешь сегодняшним днем, тем бесконечнее твоя молодость, а дальше только кризис среднего возраста и пенсия. Я понял, что надо учиться получать удовольствие сейчас, иначе за нас его получит кто-нибудь другой.

Откройте книгу, найдите себя и наслаждайтесь.

Искренне ваш, В. Ринат.

Безумие белых ночей

*Белая ночь, как чистый лист – никогда не поздно
начать с нуля.*

*** * ***

Питер хорош летними ночами. Воздух романтичен и свеж. Дышится легко и светло. Белая ночь, как белый лист, когда ты уже готов перевернуть этот день, а он все не кончается, будто намекая, что ты еще не все сделал, что мог, что сегодня ты просто притворялся, шел по накатанной, прикрываясь обстоятельствами, переложив все великое на завтра. В белые ночи есть время подумать, исправить ошибки, позволить кому-то близкому, сказать что-то важное или, напротив, никому не звонить, остаться один на один с самим собой. Общения с самим собой – вот чего зачастую не хватает человеку для нормального общения с миром.

Я сидел на набережной, глядя в Неву, отправляя по воде одну за другой свои мысли, они уплывали по течению, некоторые умели плавать и держались на воде, тяжелые – тонули. Дворцовый мост начал медленно подниматься, отсекая другой берег. Вот момент истины. Я знал, что у этого фильма – счастливый конец, к утру берега снова сойдутся, но в жизни налаживать мосты не так просто, а иногда и вовсе не имеет смысла. Крушишь их один за другим, отступая и оставляя надежды, пока не останешься на острове, в компании гордого одиночества.

– Почему Марс такой красный?

– Ему стыдно за Землю.

* * *

Бабушка била челом по проспекту. Била – всему Невскому, била убедительно. Никто не пытался узнать, до кого она хотела достучаться: до людей или до небес. Люди шли как ни в чем не бывало, она стояла коленопреклоненная тут каждый день рядом с емкостью для денег, вырезанной из пластиковой бутылки, дно которой было забрызгано мелочью.

«Не верю!» – прошел я рядом, театрально бросив монету на дно пластмассы. Я всегда бросал страждущим и просящим по одному-единственному принципу – если удавалось

обнаружить монету в правом кармане. Если железа не было под рукой, я оставлял щедрость и жалость при себе. Город был начищен до блеска солнцем. Дорога прошла сквозь парк. Деревья тянулись вдоль дорожек, деревья тянулись вверх. Эти не пытались дотянуться до небес, они их поддерживали. Графикой их ветвей заштриховано утро. У деревьев свой взгляд на небо, для них это клетчатка, для меня – паутина, которая к лету обрастет зеленым мхом и начнет шелестеть, бросая бескорыстно тень на скамейки, населенные людьми. Свет, избегающий всяких отношений, бросает тень, как бы та ни старалась его удержать. Пока же весна кружила где-то высоко в небе и дразнила тех, кто спешил по делам. Я не спешил, я опаздывал. Поэтому не хотел смотреть на часы. Если опаздываешь на свидание, нет никакой разницы на сколько. Здесь важен сам факт.

Я не спешила, я уже отработала две пары в университете. Итальянский язык. Он все еще звучал внутри нее – молодой преподавалки среднего роста с 85–65–85, замужем, без вредных привычек, филологически окрыленно – голосом в моей голове, он там жил. Шила вспомнила, как в раннем детстве, изучая английский, частенько смотрела на свой язык в зеркало: «Стал ли он английским? Нет, не было в нем ничего такого английского». А теперь в ее голове их сколько? Иностранцы. Уживались они с трудом, постоянно толкаясь, вытесняя друг друга, пытаясь занять как можно больше пространства. Однако млели, когда на горизонте возникал муж-

чина.

До встречи с Артуром еще оставалось время, и я была не против проветривания после своей несложной работы. Не то чтобы я не любила свою работу, скорее она меня. Она встречала меня уже без прежней радости, я не могла находиться

у нее слишком долго. Как рано или поздно любовника и любовницу, нас обоих это начинало утомлять. Однако менять ее было бы полным безумием. Главное, на что? На что я могла бы променять своих совершеннолетних лоботрясов. Годы – это единственное, в чем они пока были совершенны. Я смотрела то на студентов, то на часы: и те и другие стояли на месте и смотрели на меня, в какой-то момент мне показалось, что я уже начала смотреть на время их глазами. Я представила себя стрелочницей, которая передвигает стрелки на переезде, где наши жизни сошлись и скоро должны были разойтись безболезненно. Итальянский был из тех необязательных языков, без которых можно спокойно жить даже в Италии, а уж в России подавно. Я проверила задание и снова посмотрела на часы, на этот скелет времени, по которому можно изучать анатомию пространства. Разбирать по косточкам, по черточкам, по цифрам. Если даже стрелки и двигались, то очень медленно, как на проведенной только что паре, когда прошел час с эскортом из шестидесяти минут. Потом медленно очень еще пятнадцать минут. Оставалось еще пятнадцать, которые я должна была чем-то занять. Ленивые, сонные, длинные. Последняя четверть часа тянулась дольше всех, тянула на последнюю четверть в школе. Но вот оценки выставлены, и все, летние каникулы – до завтра. Наконец время было обглодано. Я выбросила огрызок в урну вместе с листочками диктанта. Отпустила студентов и двинулась к буфету пропустить чашку кофе или чая. Взяла ко-

фе, вышла на набережную, вдохнуть свежий воздух Невы. «Лучшие часы – это солнечные», – глянула я вверх и зажмурилась. Они без стрелок, они солнечны, они не тикают по ночам, будильник их беззвучный, они висят на стене неба и никогда не опаздывают.

* * *

Я слышу, как жена бродит по кухне, ее шаги бредут от стола к раковине, едят линолеум, я из зала возвращаюсь в спальню, она все еще гремит посудой. Не включая свет, я забираюсь в постель. Вытягиваю руки, укрываясь одеялом. Одеяло не поддается. «Боже! Там уже кто-то есть». Слышу, как жена уже выключила воду на кухне:

– Ты чего не спишь?

– Свет отключали.

– Да? Я даже не заметила. Зачем тебе свет ночью? – пойдет она в предрассветное наступление. – Когда ты уже дашь мне спокойно спать по ночам?

– Никогда.

«Сон. Куда он ушел? – я боялся остановить его, чтобы спросить. – Ты куда, ты же мой, ты был моим только что?» – «Все, хозяин, больше не могу, больше не могу здесь торчать. Сколько времени потрачено впустую? Задание так и не выполнено». – «Какое задание?» – «Откуда мне знать, разве мать не сказала вам, когда рожала?» – «Мать?»»

Я вспомнил мать, женщину добрую, мягкую и справедливую, на ней сейчас было летнее ситцевое платье, она улыбалась, впрочем, как и всегда. Несмотря на то что лицо ее оккупировала безграничная грусть, позитив – вот чем она все время пыталась зарядить мою душу, да и не только мою. Очень захотелось ей позвонить и спросить: «Для чего я родился?» Я посмотрел на руку. Фосфорные насечки на стрелках в крошечной тьме, словно путеводные звезды в ночи времени, они указывали мне, что поздно. Слишком поздно, чтобы звонить. Был бы жив отец, можно было бы и позвонить. Мать будить не хотелось, пусть даже она и не спала сейчас, пусть даже тоже думала обо мне. Не хотелось будить ее от этих мыслей. Когда она думала обо мне, мне становилось как-то спокойнее. Любому человеку становится спокойнее, когда о нем думают тепло. А все его беспокойство от чьих-то ужасных мыслей. Просто он об этом не подозревает, ссылаясь на погоду или на здоровье. На самом деле все гораздо проще, все решают мысли, и не всегда только личные. Пообщавшись с матерью, я почувствовал, что жить стало легче, но сон так и не вернулся. Я оторвался от теплоты женского тела.

– Началось, – вздохнула жена.

– Что-то не спится, пойду покурю, – не искал я оправдания своей бессоннице.

Прошел стандартным маршрутом от спальни до туалета. Я глядел на белое фарфоровое дно колодца и струей пытал-

ся смыть в унитаз черный волос, но тот, сволочь, был длинный и все цеплялся за гладкую поверхность, складывалось впечатление, что его это забавляло, он крутил хвостом. «Ах так», — я смыл его, нажав клавишу на бачке, и пошел на кухню.

Луна — словно плевок страждущему в ночи. Я не любил энергосберегающие лампочки. Они светят жадно, неискренне. А так хотелось иногда, чтобы рассвело в два ночи. Это в Питере случалось, но только летом. Может, за белые ночи я его и полюбил. Ночи было слишком в моей жизни, и дело не только в климате, хотя и в нем тоже. Ночь была безумна, и это безумие вытесняло день, свет, меня, оно завоевывало все больше пространства. А мы жали на выключатели, отгораживались от него ваттами, ватой были набиты наши одеяла подушки и матрасы. Почему не мечтами? Мне кажется, в детстве я спал на подушке, набитой мечтами.

Земля, как башка с двумя полушариями, которая теряла свой ум с каждым витком, которая теряла свой ум с каждым оборотом головы, — я крутанул небольшой глобус, смотревший с тоской в темноту с подоконника. Сфера делала оборот за сутки, безумная, оглядывалась всякий раз, когда пыталась вернуться в себя. Глобус помогал мне мыслить глобально. Я сидел на кухне, допивал чай, курил и смотрел на свечку, которая отражалась в глобусе и была для него солнцем, она дрожала мне своим огоньком песню про одинокий фитиль. Песня явно была про меня, хотя я не был одинок. Мне было

ради кого тлеть, а временами даже гореть.

«Ты спать собираешься?» – встала она в проеме или только собиралась это сделать, а я ее уже вырезал из картона своего воображения, если бы я вырезал ее из бумаги, то она бы сложилась и упала мне в ноги. Этого допускать никак нельзя. Я бы потерял к ней интерес. Стал бы этим пользоваться, нажимая на одну и ту же клавишу, смывать все что угодно. Вырежу из жести, будет жестко спать... Кровь из носа она хотела, чтобы я пошел спать. Женщина постояла минуту или больше, потом пошла в ванную, включила воду, посмотрела в зеркало, выключила воду, вытерла сухие руки о полотенце. Зашла на кухню с ватой в носу.

«О, что это с тобой?»

Видимо, когда я ее вырезал, я задел ей нос. «Кровь пошла из носа». – «Да? С чего бы это?» – «Не знаю, у меня такое бывало раньше только в детстве». Я снова посмотрел на ее окровавленную вату и вспомнил про мечты в подушке.

«Ты спать сегодня собираешься?» – «Думаешь, из-за этого?» – «Соберись, и проверим».

Я затушил сигарету, встал и подошел к ней. На меня осуждающим белком смотрела ее вата из носа. Я обнял свою женщину, потом подхватил на руки и понес в спальню. Всю дорогу тампон смотрел на меня, покачивая торчащей из ноздри головой.

«Ты хотела бы, чтобы сейчас рассвело?» – «Это будет не сложнее, чем остановить мою кровь, которая хотела сбежать

от меня к тебе».

Я донес Шилу до постели и положил, потом вытащил губами из ее носа тампон. «Вот, остановил. Ты звезда, которая уже потухла, но свет еще долго будет идти и просвещать». – «Просвещение – это попытка зажечь лампочку своего света в мозгах, в твоих мозгах».

Мозг долго не мог заснуть и сторожил сон жены. Та лежала на животе, повернув ко мне лицо, половину которого съела подушка, словно хотела показать профиль. Я чувствовал, как перед ее лицом воздух ходил туда-сюда, будто перед экзаменом, и нервничал. Лицо экзаменатора прекрасно и спокойно, глаза закрыты. Воздух молод и свеж, он поступил сюда через приоткрытое окно и явно не хотел обратно. Ему здесь нравилось. Вопрос экзамена был прост: «Почему муж с женой всегда спят вдвоем?» На мгновение воздух остановился, словно задумался. Жена приоткрыла рот и, произнеся что-то невнятное, снова восстановила дыхание. «Они не спят. Когда они смогут спать вместе, они уже будут ложиться раздельно», – подсказал я студенту. Я представил, как мы прощаемся после ужина с женой, чтобы спать в разных комнатах и наше общение продолжается еще какое-то время в Интернете. Лежа в кроватях, мы выделяемся в остроумии, пока сон тупо не возьмет свое.

– Давно хотел тебе сказать, у меня есть другая.

– Как другая, а я?

– Слушай, сейчас мне некогда, спать уже пора. Напиши

лучше утром в личку, я тебе все объясню.

– В личку писать не буду. А вот вмазала бы с удовольстви-

ем.

– Ну, иди тогда ко мне, – протянул Артур к жене руки под одеялом. – Расскажешь мне о своих проблемах, хватит уже вязать из них носки. – Знал я, что она копит силы для решающего удара. – Ты чем-то расстроена?

– Сегодня вечером свидание. А у меня еще этот из сердца не съехал. Придется сидеть втроем.

– Этот – это я?

– Да... счастливчик. Не могу понять одного – как тебе угораздило стать счастливым со мной.

– Стать счастливым не так уж и сложно, с тобой это бывало. Гораздо сложнее поддерживать это чувство, точнее сказать – некому.

– Некому? И не приходи ко мне больше никогда! – попыталась она избавить свою грудь от моих ладоней.

– Хорошо, на какой машине ты хочешь, чтобы я приезжал?

Она задумается на этом месте. Она уже давно хочет водить ее сама. Если мы общались виртуально, то потом обычно приходила какая-нибудь ссылка от нее, о пользе секса и его роли в семейной жизни. Либо улыбочное фото о становлении какого-нибудь милого малыша. А если месья ее была на максимуме, то пейзаж культуриста с горами мышц.

– Почему ты выбрала его?

– Он надежный. Вчера вечером он помог мне надеть пальто.

– И что в этом такого?

– Это было его пальто.

– Я надеюсь, ты его уже вернула.

Утром привычки, вечером инстинкты. Где же чувства? Порой казалось, что нету их вовсе. Иногда мы делали друг другу больно, но что поделать – на то они и отношения, что все надо делать искренне: и любить, и ненавидеть. У души кожа тонкая, зато тату выходило изящное. «Никогда не обижайся на женщину, это ее прерогатива», – твердил я себе всякий раз, когда нужно было проявить характер, макнув его в негатив. На фото можно было увидеть флюорографию моего искривленного позвоночника. Это и был характер.

– Скажешь мне что-нибудь приятное на ночь?

– Свет выключи.

– А ты выключи свой будильник, а то завтра в семь начнет орать, я на автомате встану, сварю кофе, оденусь, выйду на улицу, а там воскресенье.

– Считай, отомстил. Это все?

– Нет. Поцелуй меня.

– У меня губы не поворачиваются целоваться без любви.

Поцелуи – мое слабое место. Я таю от них, как мороженое на жаре. Останется меня только развернуть и съесть.

– На ночь есть вредно.

– Встречаемся утром?

– Да, хорошо, – обнял я Шилу, и мы уснули.

Встречаемся вновь утром. Я просыпаюсь раньше. Тихо ускользаю из спальни, прихватив штаны и футболку. Сначала склоняюсь над умывальником, потом все больше склоняюсь к тому, что люди произошли от кофе: только он способен сделать из меня утром человека. Кухня встает и делает мне навстречу несколько шагов, здоровается, обнимает теплом и предлагает остаться на завтрак. Хорошая женщина – кухня! Я любил ее всем желудком. Не то чтобы мне все время хотелось есть. Нет. Просто отношения эти зашли слишком далеко, а разорвать их не было никаких сил, да и не только у меня, у любого домашнего человека. Так я и жил, разрываясь между кухней и женой. Была, правда, еще одна женщина – моя работа. Может, и не женщина, так любовница. Поэтому к ней Шила меня не ревновала, она считала, что у каждого уважающего себя мужчины должна быть такая любовница.

Снова, как в раме, в проеме с холста утра на меня смотрела Шила. Сейчас она напомнила нежную одинокую розу, которую надо было непременно напоить водой, чаем, а может, вином, чтобы любоваться ею весь оставшийся вечер или даже жизнь, всю оставшуюся жизнь. Впрочем, сейчас, когда я был влюблен, оба эти отрезка времени были равны.

– Не спится.

– Не спиться бы.

– Что делаешь?

– Кофе варю.

– Будешь пить его на ночь глядя?

– Не знаю, может, и не буду. Знаешь, как в любви, иногда важнее процесс, чем результат. Кстати, уже почти утро.

– Это на часах утро, а на улице темно, значит, ночь.

– Хочешь, переночуем здесь? – подошел я к Шиле, взял за подбородок и впился в губы. Другая моя рука обвила ее талию и легла на бедро. – Откуда в тебе столько обаяния?

– Голодный?

– Всю ночь не ел.

– Значит, я была права, все-таки ночь.

– Для настоящей любви мало одного обаяния, нужно как минимум два, и чтобы в унисон.

* * *

Мы живем душа в душу, а все потому, что разделили обязанности: я делаю кофе по утрам, он последний выключает свет. Вечером я снова влюблялась в него, влюбленной засыпать было легче.

Кроме того, я научилась разговаривать с ним молча. Ментально. Характер у меня, у Шилы, своеобразный: вечером она с ним разводилась, чтобы ночью почувствовать себя невестой и провести первую брачную ночь, а утром вновь выскочить за него замуж. Целый день она могла жить толь-

ко тем, что вечером вернется к самой себе домой. Тогда Артур находил свою любовь раздраженной, печальной, голодной. Именно ее дикий голод позволял ему вернуть все на свое место: положить ее на кровать, добыть сок из апельсина, привести в чувства. Все больше он склонялся к тому, что женщина его создана была не для работы, а для любви. И это было не позой, это было разнообразием. Вот и сейчас ее тело, словно трещина в темноте, раздвинуло ночь. Занавес упал с плеч. Ночь стала трогательной, теплой и вкусной. Комедия и драма, плач и смех перемешались с частями наших тел в лугах хлопка.

Утренний макияж вместо главного хобби. Кисточки, краски: тени, помада, румяна. Надо было привести в порядок холст и заломить за него такую цену, чтобы все понимали, что полотно бесценно. Я давно заметила, что утром время летит быстрее: его запросто можно проспять, а если ты даже вовремя встанешь, то его катастрофически не хватает. Вечером другое дело – время растягивается до таких размеров, что никогда не удастся пораньше лечь спать. Покончив с живописью и перебирая в голове платья, она сидела в одном халате перед собой, и ей уже хотелось налить на себя красное.

* * *

В это время он варил ей кофе. Нет, не готовил, а имен-

но варил, чтобы тот, вздохнув в турке корицей, сам отдал весь свой шоколадный аромат. Самоотдача – вот что отличало настоящего мужчину от растворимого. Марс разлил кофе по чашкам и посмотрел в окно, требуя взаимности. А что требуется от окна? Хорошей погоды. Если погода хорошая, то и видимость не важна. Котировки настроения идут вверх. Ты чувствуешь прибыль в душе. Радость налицо. Наличный счет пополняется. Ты богат, ты счастлив и даже щедр. Ты готов уже делиться добром этого утра с другими, если они возьмут, если они не посчитают это взяткой. Он подошел к окну и глянул ему прямо в глаза. Погоды и след простыл.

– С кем ты разговаривал? – пришла на кофе Вика.

– Сам с собой.

– Не пугай меня.

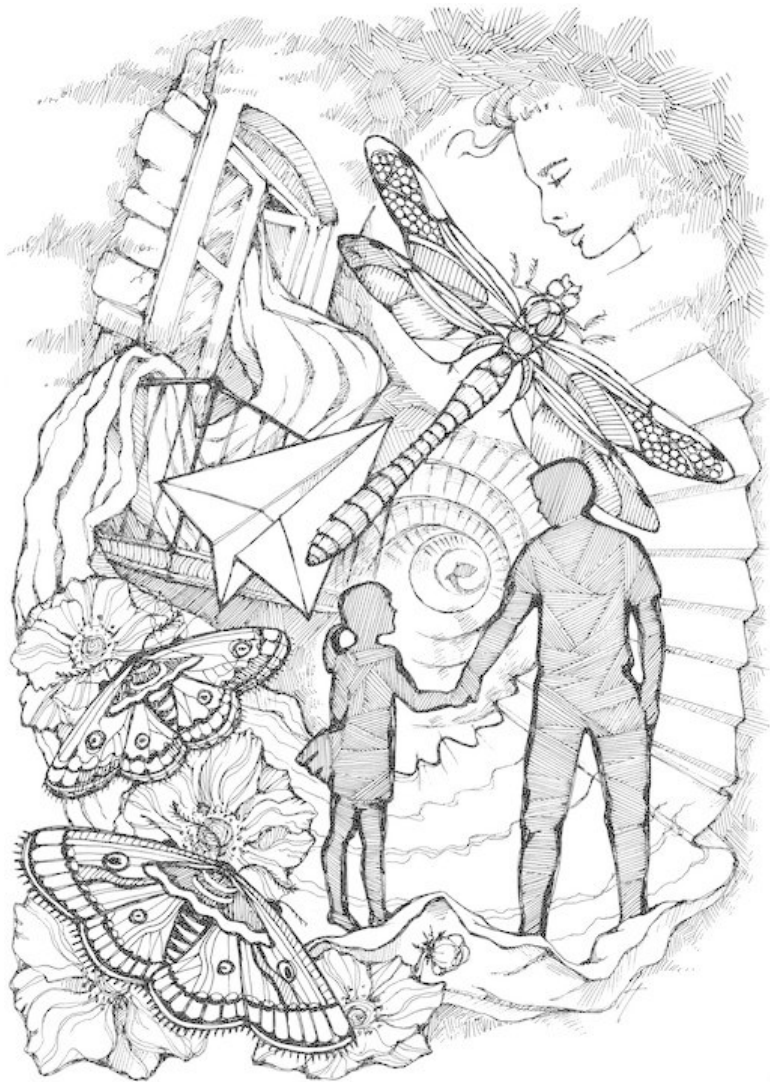
– Да нет, Артур звонил, кажется, она его простила.

– Это все слова. Женщина никогда никому ничего не прощает. Говорю тебе как женщина. У нее нет этой функции. От этого мы и страдаем.

* * *

Артур снова сидел в их любимом кафе, в котором они часто отмечали свои личные праздники, будь то дни рождения или какие-то священные даты первого поцелуя, объятия, события или день первый их жития совместного. Сегодня не было никаких дат, просто выходной. Он ждал по обыкновению

за той же непременно клетчатой скатертью, что являлась одним из атрибутов этого заведения. Делать было нечего, кроме того что посматривать то на время, то на посетителей. Именно они составили мне партию в ожидании Шилы. Фигуры разбросаны по всему полю. Здесь были и лады, они сидели напротив и пили мартини, что-то нетерпеливо обсуждая, порой перебивая друг друга, в нетерпении рассказать нечто из ряда вон выходящее, внезапно пришедшее на ум. Одна из них была худа и легка, другая – напротив, в теле, суровость захватила ее лицо, прочертив границу у переносицы, разделив жизнь на «до» и «после»; даже когда девушка улыбалась, суровость не хотела никуда уезжать. «Откуда в ее-то годы?» В квартире у нее наверняка пахло разочарованием. Чтобы вывести эту вонь, нужен был особый ароматизатор. Нужна была новая влюбленность.

До меня долетали обрывки напoмаженных фраз:

– Зачем он тебе?

– Он богат.

– Деньгами?

– Воображением.

– На это можно что-то купить?

– Все.

Их губы то и дело смачивались мартини, будто без этой смазки механизм их беседы мог забуксовать:

– Я считаю, что пока ты молода, надо нагуляться как следует.

– Мне считать нечего, мне достаточно одного.

Впрочем, одна из них сейчас поднялась и двинулась, как и положено ладье, прямо, никуда не сворачивая, в сторону выхода, скорее всего в туалет, вторая осталась щипать салат, который ей только что принес официант. До этого взгляд ее был прикован к коню за столиком напротив, взгляд его давно уже заинтересовала пассия на ладейном поле. Он тоже был не против пощипать травки. Мужчина действительно был хорош собой: стройный, сильный, с гривой кучерявых волос и гордым взглядом, он ржал всякий раз, когда его друг, тоже, по-видимому, конь, но другой породы, больше похожий на конька-горбунка, выкладывал нечто смешное. Потом стал показывать что-то на экране своего телефона, наверное, жену.

– Красивая у тебя жена.

– Еще не жена.

– А чего тормозишь?

– Знал бы ты, как она ревнива, весь мозг мне уже выела.

– Думаешь изменить по-настоящему?

– Зачем? Просто сяду в баре, отправлю эсэмэску «Задерживаюсь по личным делам» и смайлик. Пусть сидит дома... драматизирует.

– Ну ты даешь. Находчивый! – ответил конек-горбунок, а про себя подумал: «Вот тупой».

– А ты? – посмотрел он на ладью.

Кони пили крепкое и почти не закусывали. Несколько пешек, что обслуживали все мероприятие, незаметно подходили к столикам, интересуясь, не угодно ли чего остальным фигурам, всякий раз добавляя, что королева вот-вот появится. Короля пока тоже не было. Какой король без королевы? Артур вспомнил Шилу:

– Мужчина не может быть совершенным без женщины. Не комплект.

– А женщина может?

– Да, она может и без, но смысл?

Меня не было, пока не было Шилы. Фигуры делали свои ходы: один из коней подошел буквой Г к столику, где сидели ладьи, нагнулся буквой Г, взял одну из них и увел танцевать:

– Может, махнемся душами на ночь?

– Хотите узнать, действительно ли я хочу вас.

– Хочу узнать, как.

Шах и мат, так казалось ему, партия сделана. Как бы мужчина ни разбирался в женщинах, он ошибается. Даже если он соберет из нее что-то потом, что-то свое, все равно останутся лишние детали. Эти детали не будут давать покоя ни ему, ни ей. Я знал это по своему опыту, я знал, что в любой момент может появиться королева и партия приобретет совсем другое продолжение.

– Что будем танцевать? – спросил конь у ладьи.

– Я танго люблю.

– Почему танго?

– Там все неожиданно, тебя ведет партнер, которому с каждым па ты доверяешь все больше и больше, хотя до самого последнего момента не знаешь, к чему приведут его сильные руки, то ли к алтарю... то ли обратно к столику.

– К черту танго! Может, займемся любовью?

– Хорошо. Безответная вас устроит?

Таким представил я себе их диалог, после того как конь вернул на место ладью. Он поклонился ей, понимая, что ему не удастся сесть в нее и вмиг переправиться на другой берег своих желаний, откровенных, даже пошлых. Потому что появилась королева. Шила наконец-то пришла. Я помог скинуть ей плащ, привлек ее к себе, а также взгляды всех остальных членов партии. Поцеловал и усадил жену напротив.

– Сегодня какой день недели?

– Выходной.

Официант уже был тут как тут и разливал заказанное мною заранее шампанское.

– Ты уверен?

– Да.

– Почему тогда нет солнца?

– Это Питер, крошка. Пора бы уже привыкнуть.

– Не могу. Три выходных дня подряд – это передоз. Я спала сегодня по привычке так долго, что, проснувшись, стала себя немного ненавидеть.

«Ненавидеть?» Она сама была бокалом с шампанским, пузырьки поднимались по ее красивому телу и выдыхали искрами глаз. Шила что-то говорила, мне неплохо удавалось ее внимательно не слушать. Да и как я мог слушать, когда нужно было просто любоваться.

* * *

«Спины ровно», – произнес мне мой внутренний голосом жены. Она, как могла, боролась с моей неправильной осанкой, с моим мягким характером. Тот был флексибл. Я нехотя выпрямил позвоночник и стал ближе к небу. Идти так было не очень удобно, и я продержался недолго. Сутулость взяла свое.

На шахматной скатерти столика ее руки и мои. И те и другие холодны. Как бы я ни старался, мы уже не были королем и королевой. Мы не чувствовали. Чем чаще я заходил сюда, тем больше ощущал себя пешкой в чьей-то игре. Скоро я забыл, стал обходить его стороной, только клетчатые сны не давали покоя. Он все время вспоминал партию с Марсом, когда тот ловко поставил мне мат, не имея при себе ферзя, то есть королевы.

– Смотри. Какая махонькая машинка. Как детская, – ткнула пальцем в стекло Шила, чтобы разрядить обстановку, всю ее обойму.

– Ага, и цвет неожиданный, – мял я салфетку, насильно заставляя улыбнуться ее за себя.

* * *

– Иди сюда.

– Что случилось?

– Иди, случилось.

– Да, что там такое?

Голая жена сидела на корточках возле ванной и что-то разглядывала на полу. Я подошел. Там разорванная цепочка тонкого плетения из рыжего золота. Она шевелилась.

– Видишь, муравьи, – указала пальцем на насекомых Шила. Те исследовали порошок, просыпанный рядом со стиральной машиной, но, заметив угрозу, стали поспешно сниматься с якоря, скоро вся цепочка исчезла в щели под косяком.

– Рыжие муравьи. Пищевая цепочка.

– Какие же они рыжие? Они противные.

– Пошли спать. Муравьи – наши друзья.

– Это в лесу они друзья, а дома – квартиранты, я бы даже сказала паразиты. Я не собираюсь сдавать им жилплощадь, самым тесно, – вновь заскрипела в Шиле жена.

– Ну, тогда убей их.

– Я не могу.

– Тряпка...

– Я?

– ...где? Где тряпка? Дай мне.

Позже они начали появляться то там, то здесь, преимущественно разведчики, которые ходили в одиночку. Здесь – это когда мы их видели, когда они собирали крошки перед нашим носом, там – когда мы могли в любой момент на них наткнуться. Складывалось впечатление, что мы живем на одном большом муравейнике. Муравьи внедрялись в наши мысли и тащили туда свои порядки. Мы заняли достойное место в их пищевой цепочке. Рыжие пожирали в нас все самое доброе и светлое, они сделали нас жестокими и мстительными. Были и положительные стороны: теперь кухня блестела с вечера, грязная посуда не ждала следующего утра. Больше всего муравьи любили мясо. Они ходили от него сами не свои. Однако мы его тоже любили. Какой-то период жизнь наша находилась под постоянным наблюдением рыжих. Те захватили нашу небольшую двухкомнатную планету и постоянно вносили раздор и сомнения, раздражение и неприятности. Пуская облака рыжего хитина, они отравляли нашу жизнь. Мы стали аккуратнее, мы стали внимательнее, порядочнее. К весне рыжие остыли и встречались уже не так часто, понимая, что мы сняли их с довольствия.

* * *

Сегодня был выходной, уже полдень, а погоды все еще не

было. Мы прогуливались по парку, наблюдая эволюцию своего развития, симпатизируя своим безразличием встречным прохожим.

– Весной дунуло.

– Да уж! Вместо воротника хочется поднять хвост и бежать ей навстречу.

Неспешной походкой, вычерчивая схему семейного променада, наша пара поравнялась с коляской, которую вела мать. Там сидел прекрасный розовый малыш.

Я вертелся в коляске, разглядывая народ. Мне нравились люди в ярких одеждах, я махал им руками и хотел что-то сказать, пока в конце концов не выронил изо рта пустышку.

– Ну, что ты делаешь? – пыталась быть суровой мама. Быть суровой у нее получалось хуже, чем у меня разбрасывать игрушки. Она подняла соску и сунула в мою любопытную пасть другую, чистую, я даже не успел ничего вякнуть. Задорно улыбнулся ей в знак благодарности. Она остановила коляску у детской площадки. Усадила меня на качели и начала раскачивать. Здесь я понял, что жизнь – качели: то к маме, то к свободе, и чем больше был ход, тем сильнее тянуло обратно к маме. Когда мне все это надоело, я сполз с качелей, сел в машину на педалях, уменьшенную копию «Москвича-412», и, ударив по педалям, рванул по дорожкам парка к другим железкам. Там меня давно поджидают подростки, мои сверстники показывают друг другу те классические дворовые трюки, которым научились у старшеклассни-

ков: выход на две, выход через жопу, солнышко, крокодильчик. Я в свою очередь висну тоже на турнике, раскачиваюсь и делаю склепку. Это легко. Я улыбаюсь с высоты, держась за холодную перекладину. Страсть к железу тоже проходит. И вот я уже катаю по прудам на лодке девушку. Она весело несет мне свою чепуху, целые охапки чепухи. Мы смеемся. Мы еще не разучились.

В парке цветет черемуха, парочка на скамейке, увлеченная любовной игрой, не чувствует ее аромата. Юноша втягивает в себя никотин влюбленности. Я прячу губы девушки в свои, не переставая жевать голодной ладонью вкусную грудь девицы. Кожа была теплой и плотной, как нагретая солнцем стена, на которую приятно положить ладонь и погладить, к которой можно было прижаться, в которую хотелось быть замурованным, тату вместо таблички: «Здесь был я». Как же ее звали? Убивать не надо, все равно не вспомню. Что же дальше? А дальше, а вот он я: отстояв небольшую очередь вместе с женой, покупаю горячий багет в лавке с горячим хлебом. Сжимаю теплый мякиш, вспоминая парочку из парка и свою голодную подростковую ладонь. Отрываю от багета четверть и протягиваю жене. Она берет грудь совсем по-другому, чуткая женщина, нежная, сразу видно, моя жена. Самое потрясающее случается, когда ты этого не ждешь и уж тем более не стоишь за этим в очереди. Я не стоял, мне было жаль тратить на это время. Даже времени было бы меня жаль, стань я таким. Человеку всегда кажется, что именно он распоряжается

временем, что он им владеет, на самом деле это мы у него в плену, оно поймает любого, потом высадит на остановке «Ад» или «Рай» и идет дальше. Хорошо, что еще есть такая штука, как память. Можно пересмотреть лучшие из моментов, живописнейшие из мест. Я перемотал немного назад:

– И с чего мы начнем наш роман, с ресторана или со звезд? – спросил я ее.

– Между астрономией и гастрономией один шаг, одна буква «г», которая предвещает дерьмовый финал, давайте возьмем вина, сыра и выйдем к морю, посмотрим, как купаются звезды.

В очереди за счастьем можно было бы постоять потом вместе, примерно, как мы сейчас за хлебом. Главное, чтобы она, любовь, случила и случилась. Хотя с первого взгляда я не был уверен, что это она, именно та, с которой я только что стоял за хлебом. Перед нами была еще пара человек, и я отмотал еще немного назад:

«У тебя прекрасные волосы», – гладил я ее волосы. «Это от мамы». – «Она красивая?» – «Не задавай глупых вопросов».

* * *

Машины стоят, проспект забит в сторону центра, в обратную все летят: кто злорадствует, кто сочувствует. «Вот это пробка, надеюсь, когда поеду обратно, рассосется». Мне на-

доело идти пешком. Я засунул свою тачку в карман и оставил, удостоверившись, что нет никаких запрещающих стоянку знаков. Вышел обратно на проспект к остановке трамвая. У трамваев была своя выделенная личная полоса, даже две – железные линии, устремленные в перспективу. Скоро он подошел: большой и спокойный, как корабль. И вот уже из окна я наблюдаю, как обгоняю те машины, с которыми я только что стоял бок о бок, я обгоняю время. Тот редкий случай, когда можно его обогнать, так же, как, например, вылететь из Японии в США и побороться с ним на часовых поясах. Вспомнился Сабантуй, где национальные борцы, обхватив друг друга поясами, скрипели, рычали, потели. На кону стояла новенькая «Лада».

Я стоял в самом конце вагона, то и дело покачиваясь на волнах своих мыслей. Вот женщина поправила волосы, так они перезагружаются, чтобы напомнить о себе, о своей красоте. Порой ощущение тяжелой копны волос в руке придает им больше уверенности, чем взятая под руку мужская. На самом деле все эти жесты по наведению порядка выдавали неуверенность. И чем старше женщины становятся, тем больше в них неуверенности за свой внешний вид. Она всегда была связана с тактильным. Поэтому объятия, поэтому поцелуи, поэтому спанье на одной кровати, все ради того, чтобы доказать свою преданность и причастность, с расчетом на взаимность. Все меньше в этом оставалось страсти. Этот город был для постели, можно даже без секса, для дол-

ного спанья, для творческого бродяжничества. Я сочувствовал тем, кто собирался здесь сделать карьеру. Они выбрали не тот город для отправной точки, захочешь оттолкнуться от стартовой площадки, а завяз уже по пояс в климате Васильевского острова. Питер – это независимое островное государство, населенное поэтами, музыкантами и художниками. Похоже, я тут надолго. Мне хорошо в этом болоте. Здесь я сам себе кулик, которого дома всегда ждали куличи.

* * *

Наконец я въехал на мост. Машины встали, и можно было поглазеть по сторонам, пока не расцветет зеленым светофор. В боковое стекло я наблюдал, как пятеро людей пытались столкнуть в Неву шар под Дворцовым мостом, который был ядром всех торжеств. В моем свадебном альбоме тоже есть место этой планете, которая, несмотря на все старания молодых, осталась на орбите. Как сказал герой романа Кина Кизи: «По крайней мере, я попробовал». Они тоже попробовали, они махали руками и открывали рты, по их шумной неровной походке видно было, что пробовали с утра и мало закусывали.

На мосту машины выстроились в три полосы, все они двигались с разной скоростью, будто их тянули впереди разные люди. Но это были не люди, это были обстоятельства. Мою тянули хуже всех. Наша команда проигрывала, я, не разду-

мывая, предал ее и с трудом перестроился в другой ряд и тут же встрял. «Вот она, цена измены». Скоро я все же доехал до причины. Там сцепились двое, не поделили асфальт, подбит глаз у одного, разбитой губой повис бампер другого.

Я все думал о них, пока стоял на красном, замешкался, не заметив зеленого, сзади уже кто-то нервничал и давил на клаксон. «Да пошел ты!» – кинул я обыденное, и чтобы как-то реабилитироваться в глазах самого себя, но особенно тех, кому на меня было до лампочки, я нажал на педаль дросселя. Так же я поступал после корявых маневров на дороге. Мы часто прибавляем скорость из чувства неудобства, нам быстрее хочется это оставить позади, забыть, заесть, запить.

К концу маршрута в голове только одна мысль: повезет ли с парковкой. В центре с этим всегда было сложно. «Мы так долго искали парковку, что еба... нам расхотелось», – вспыхнула пошлость в моей голове. Я моргал правым глазом и шел малым ходом вдоль тротуара, к которому прилипли чужие машины. Мест не было. Сделав пару кругов, я остановился и включил аварийку, стал ждать, пока кто-нибудь из владельцев припаркованных авто не выгонит своего коня, отправившись на работу в другой район города. Работать никто не хотел. Я не был исключением. Написал студентам, что скоро буду. Минут через двадцать я дождался своего гаража.

На этом разговор наш оборвется, потому что вернется из душа она, воздушная и вновь аппетитная. Ее обтекающие молоком и молодостью формы не могут меня оставлять равнодушным. «Трубку дать? – спросит он и, не дожидаясь команды ее спинного мозга: Муж звонит», – протянет ей телефон. «Ты знаешь, который час?» – все еще будет трепать она волосы полотенцем, брошенным на плечи. Я снова под влиянием посмотрю на часы, те снова покажут мне часовой стрелкой палец. «Да, знаю». – «Ну, раз знаешь, чего звонить? Теперь опять спать всю ночь не буду». – «С этим?» – «Я же говорю, что не буду». – «Ты серьезно?». – «Конечно, больше не буду, так что ты ложись тоже и даже не смей думать о таком. За кого ты меня принимаешь?» – «Я не думал». – «Вот и не думай. Я знаю, это сложно, себя заставить не думать, но я же себя заставила. А так храпела бы сейчас с тобой. Жизнь проходит, а мы все верность из себя корчим. Пора очнуться». – «Ну, ты скоро?» – услышал я за кадром любовника. «Дай мне с мужем поговорить», – зажала она трубку рукой, но я без слов понимал ее реплики. «Завтра приду, спи», – снова дунула мне в динамик. «Больше не отпущу ни в какие командировки», – успокоился я, что она жива, здорова, укладываясь спать.

Красный цвет заката перед глазами, во весь горизонт.

«Что ты так смотришь?» – «У тебя заусенец». – «Да?» – «Да». – «Знаешь, что его отличает?» – «Что?» – «Он готов умереть за меня». – «Ты про заусенец?» – «Я про кино, с тобой оно было черно-белое, а теперь цветное». – «Я вижу», – посмотрел я на ее палец снова, взял ее ладонь себе в руку и проглотил ее палец.

– Вкусный?

– Железный.

– Только не откуси случайно.

– Жалко?

– Средний мой любимый.

* * *

Жена жарит блины, потому что Масленица, в телевизоре американцы награждают лауреатов «Оскара». В Интернете на чьей-то стене объявление: «Куплю счастье за любые деньги, б/у не предлагать». Селфи, Инстаграм, ногти, блины, пляж. Перепост о бабушке, которой нужны были средства на операцию, потом о ребенке, с той же мольбой. Можно ли было им верить? Мольбы стало так много. «Те, кто вовремя не ушел, вытесняют из этой жизни слабых», – подумал я о том, что если одни стали жить дольше, то жизнь других должна соответственно укорачиваться. Баланс. Снова море. Фотоотчет о чем-то отпуске. Пляж был красивее девушки, из разряда снимков, когда лицо заслонило архи-

тектуру, в данном случае – ландшафт. Запах жареного хлеба смешивается с новостями, те вроде сосисок... теперь уже в тесте. Я вырываю страницу из толстой книги блинов, самую верхнюю, кладу мягкий пергамент из теста в рот. Бумага разваливается там вкусно на буквы... «Божественно», – составляю я из них вслух жене. Она оглянулась улыбкой и продолжила колдовать над плитой.

Снова глянул в окно, не переставая жевать. Самолет остался на небе шрам. Там без труда читалось: Родина-мать, хотя строчки уже поплыли в чернилах неба тенью вечного врага, который не дремлет и может вот-вот напасть. Шли тренировки ко Дню Победы. Я подумал о тех, кто сидел сейчас в этом самолете. Я представил себя мысленно на их месте, хотя никогда не хотел быть военным летчиком. Мне нравилось возить пассажиров. Военные видели меня как облупленного, завидовали, глядя на стопку блинов на моем столе. Не всем сегодня была масленица, служба есть служба, она не дружба, она обычный сухой устав. Провода тоже рисовали свое. Они беспорядочно сношались, словно хотели схематически изобразить пресловутую сеть. Они висели, держась за небо. Теперь дома были привязаны друг к другу, теперь и между домами была привязанность. Примерно такая же, как и у меня к жене.

– Хватит уже жарить, иди ко мне, моя масленица.

– Не могу, не хочу, чтобы подгорел блин.

– Ты же говорила, что хотела быть рядом, что бы ни слу-

чилось.

– Действительно, я хотела, но ничего так и не случилось.

– Еще не вечер, – подошел я к ней сзади.

– Какой-то ты сегодня не такой. Какой-то пастеризованный, – не видела она меня, выливая белую жидкость на сковороду.

– Разве тебя не зае... такая жизнь?

– Еще как зае... Все время думаю, неужели я больше никому кроме нее не нравлюсь.

Неожиданно его поцелуи затмили всю мою шею. Глаза появлялись там, куда он меня целовал.

– Ты с ума сошел, – перевернула блин жена.

– Я все время думаю об этом.

– Извини, значит, еще не сошел. – Руки уже не мои, они полностью принадлежат ей, они уже чистят карманы ее души. Будто их взяли на службу, в прачечную кожи. Их не смущает то, что работа по большей части ночная, им нравится ночь.

* * *

– Как ты думаешь, может ли крепкая дружба перерасти в крепкую любовь? – закончила Шила с блинами и застряла у окна в одном халатике.

– Все зависит от крепости напитков, – подошел я и обнял Шилу, прижав телом к подоконнику.

– Значит, может?

– Да, несомненно, но временами возможны побочные эффекты: тошнота и аллергия. К Марсу сегодня полетим? За город.

– Обещали дождь. Что мы там будем делать? В лесу в дождь скучно.

– В бильярд играть.

– Меня это не вдохновляет.

– А, я знаю, теперь тебя вдохновляют только твои выдающиеся груди. Они растут не по дням, а по часам. Уже четвертый, наверное, – обнял я их ладонями.

– Ты что? Четвертый у Вики.

– Да? Мне кажется она одна сплошная грудь.

– Ну, она же кормит сейчас.

– Скоро и тебе предстоит. В любом случае, твоя мне дороже всех вместе взятых, – начал я твердеть и все сильнее прижиматься к жене.

– Ага, уже пастеризованных тобою. Может, этого тоже надо покормить? – кивнула копной волос на воробья за стеклом Шила. Тот примостился на жердочке карниза и внимательно наблюдал за нами.

– Ты, как видишь дичь, сразу хочешь ее покормить. Может, он просто порно хотел посмотреть.

– Какие у него внимательные зрачки. Как ты думаешь, нас видно из дома напротив?

– Конечно, возможно, в воробья встроена камера, и все следят по большому экрану за каждым нашим движением. Не бойся. – Я опустил занавес. – Кина не будет. Спектакль только для своих.

* * *

Я оказалась в Умео в двадцать два года. Уехала туда на

практику после окончания курса. Подальше от дома, чтобы мальчишки мои забыли и не подрались, и не погибли на дуэли, хотя, как мне кажется, я того стоила. Артур постоянно писал Шиле большие пространные письма, Марс за все время прислал только одну открытку с видом красной планеты: «Венера моя, ты не думай, я за тобой наблюдаю с неба». Странное время шведских столов и шведских семей. Артур в это же время служил где-то на одной параллели в Мурманской области. По почерку было заметно, что армия потрепала его немного. «Кто я здесь? Я являюсь 2-летним растением. Сложно осознавать, что мозги твои не нужны никому, нужна только физика». В этой строчке я была абсолютно солидарна с армией. «Полярный круг – это особенный круг людей из военных, сосланных, конченных железнодорожных пьяниц. Первый раз попробовал самогон. Здесь еще популярен огуречный лосьон. Его разбавляют водой, отчего он становится белым». «Здесь немногим лучше. БезУмео. Разбавлены улицы, людей так мало, особенно вечером, что порой ощущаешь себя на дне мертвого моря, – отвечала я ему. – Стараюсь привыкнуть к одиночеству городка и однообразию шведского стола. И как бы ни пыталась стряхнуть с себя его тоскливое настроение, не выходит».

К одиночеству Шила привыкла быстро. Скоро она уже не могла без него, без Умео. Вот оно – настоящее безУмео. В древнем городке не было ничего особенного, разве что мощные стены старых домов (точно за такими же крепостями

жили и души самих шведов) и широкая река, что впадала в Ботнический залив. Шила часто выбиралась на набережную, стояла на одном берегу и смотрела, будто на Родину, на противоположный. Родина была дальше, со всеми своими березками, Березовскими и подберезовиками. Хотя берез хватало и в Умео.

Взгляд реки дрожал. Так сильно она была расстроена, что даже ресницы хлопали не в такт. Точно так же расстроился и Артур, когда узнал, что я на год уеду в Умео:

– Что вы на меня так смотрите?

– В ваших глазах что-то есть. Томные и с поволокой.

– Ресница попала, не мечтайте.

– А хотелось бы.

– Ты веришь в будущее? – застегивала она кофточку.

– Конечно.

– Я тоже, но завтра я уеду.

В хорошую погоду Шила ходила по набережной к мосту, некоторое время стояла на нем, любуясь бурлящей под ногами холодной глубокой рекой. Здесь она даже начала со скуки курить. Ей нравилось, не докурив, кинуть сигарету вниз. «Только ради этого стоило научиться». Та на какое-то время загорелась еще ярче, упала и зашипела, как всякая женщина, которую бросили: «Все вы мужчины такие, сначала целуете так вдохновенно, потом так бесцеремонно с моста, в воду». Скоро она узнала, что Марс женился. Значит, никаких дуэлей, можно было возвращаться.

Когда настроение мое было хорошее, это значило только одно – я иду в ногу со временем. В противном случае оно постоянно уходило. Уходило туда, где мы никогда бы с ним не встретились. Сегодня я отчаянно не хотел упускать его из виду. Хотя в моей экстремальной выезде, в моем тухлом галопе было маловато правды. Мне на пятки наступал тот самый период, когда человек уже не жаждет приключений, я отдал ключ от них на хранение своей жене. Чтобы она заперла нас двоих в этом самом периоде, в котором мы жили душа в душу, в котором любовь уже не старела, а только хороше- ла. Тела? Может быть, потому что цепляются за видимое, осязаемое, они все еще ищут дозу своего обаяния в глазах других: «Ты совсем не меняешься», «вечно молодая», «годы тебя не берут», «с каждым годом ты все краше». Хотя последнее могло относиться к косметике. Ложь приятно было намазывать на бутерброд будней, что ни говори. Потом жу- ешь долго-долго, смакуешь. Я фильтровал, оставляя в голо- ве только приятные моменты, у Шилы все было иначе, она могла долго заедать послевкусие каких-то нелепых оскорб- лений, прямых или косвенных. Вся проблема была в том, что она не умела «забить», значит ей было не «наплевать». «Что, опять на работе прививки были?» – «Какие прививки?» – «Комплексы, которые тебе прививают». Или: «Зачем ты при-

тащила домой эту рассаду?» – «Какую рассаду?» – «Досаду, вон, уже колосится в твоём сером грунте, – гладил я её по голове. – Никого не слушай, ты самая красивая». – «Тебе легче, ты меня любишь». – «А ты?» – «Очень, но хотелось бы ещё больше. Как мне любить тебя ещё сильнее?» – «Да какое это имеет значение. Главное, меня».

Редкий случай, перед выходом я чистил ботинки, у которых уже асфальт сгрыз каблук, первый питался резиной, это было заметно по протектору шин на моей машине.

Собака бросается мне в ноги, как только я выхожу из лифта. Сколько лет здесь живу, никак не могу привыкнуть к этой шавке, словно маленькая неприятность, она застает меня врасплох, за ней вырастает старик – суховей, скорее даже сухостой в темных очках. Никогда не знаешь, куда он смотрит, на тебя или сквозь. Я даже готов был поверить, что он в них родился, в стране, где было очень много солнца. Он всегда носил их, будто от кого-то скрывал свои глаза. Он медленно поднимает руку в знак приветствия, я отвечаю ему: «Здрасьте». Его губы сухие выпускают сухие слова, их не слышно. Скорее всего, он сказал то же самое, а может на шавку свою, чтобы не лаяла. Та закружила вальс в его ногах.

Я пропустил вперед цирк и вышел следом. Шоколадной плиткой уложен тротуар. В некоторых местах та отколота, кто-то унес с собой, не с чем было пить чай, на самом деле – некачественное какао, надо было делать плитку из мрамора. Я тоже поднимаю кусок шоколадного тротуара, долго верчу

его в руках. Вижу в нем цельный фундук, белый камешек гальки впился прямо в середину куска. Цвет его благородный и приятный. Некоторые вещи впитываются в сознание, как этот, шоколадно. Возвращаю на место часть тротуара. Подойдя к машине, я пнул колесо ногой: «Пора уже шипы поменять на летнюю...»

Педалирую в центр, как тот малыш, что катился на своей железной машине с педалями. Сегодня туман настолько густой, что можно подавиться, будто весь Питер столкнулся с одним большим обстоятельством, люди и машины пытаются рассеять его. Они двигают его туда-сюда, хотя многим из них уже обрыдло туда, а другим сюда. Так и мечутся, в основном те, что с желанием наметать себе икру на хлеб с маслом. Потихоньку смог рассеивается и исчезает. Дышать становится

легче. Зеленый, как я и любил, он мне сопутствует всю дорогу. «Чудо». Чтобы поменьше людей, поменьше машин, с которыми по пути мне, это не значит, что мы единое целое, мне наплевать на них, им на меня. Один, услышав меня, так и сделал, приоткрыв окно, возможно, он тоже думал о резине. Только потом я заметил, что чудо ехало сзади с мигалками и флажками. Этим наплевать на всех. Мы как космическая пыль, по сути, которая осела на поверхности шара, тот висит в комнате оригинальной люстрой, одним из десяти, где лампочка по центру своей центробежной плеткой гоняет вокруг себя остальные шарики разных размеров. Конструкция вращается по кругу. Мы проросли, мы выжили и культивируем цивилизацию, покуда тряпка мокрая в руке какой-нибудь Кассиопеи или Ариадны, что прислуживает во дворце Вселенной, нас не сотрет, словно был, банально делая уборку в доме раз в неделю. Останавливаюсь у колонн. У колонн толстые ноги, вперед выставлена одна, вторая осталась под юбкой крыши. Каждая из колонн выставила по ноге, но мне не остановиться: «Извините, стеллы, боюсь, я не потяну вашего тарифа. Нет, нет, даже не уговаривайте, не то что стоянки, с вами даже остановка запрещена», – вижу неподалеку сутенера с полосатой палкой, именно ею он выгуливает девочек и зарабатывает. Провожает меня взглядом: «Проваливай, жмот». – «И тебе всего доброго, крохобор. Натяни на свой полосатый член резину с шипами и бей дальше добропорядочных граждан. Государство эбонитовых палок. Да,

надо бы поменять резину, – вспомнил я про резину. – И сделать развал – схождение. Да уж, некоторые хороши по пояс, остальное у них уже вырастает в землю, в худшем случае, как у этого, уже в асфальт». Припарковался за углом. «Вот и вторая нога», – проник я мимо колонн в здание. Здесь меня уже поджидало приятное женское общество.

* * *

Я вошел в ванную, где утопала в пене Шила.

– Ждать – глупо, идти навстречу – лениво, в итоге стоишь на своем. На своем одиночестве и не слышишь, как оно кричит: «сойди, дура, ты мне надоела».

– Что ты выбираешь – снежинок или мух? – шепчу я на ухо Шиле, которая болтает по телефону.

– Что?

– Я говорю, что ты выбираешь – снежинок или бабочек?

– Если ты про зиму и лето, то я за бабочек.

– Все на измене.

– Вчера поняла, чего не хватает. Уверенности. Я вся на измене.

– Я вот тоже думаю, в обменник пойти или еще подождать, – улыбаясь мне, треплется по телефону жена. – Принеси из комнаты.

– Что принести?

– Ну, принеси! – кричала она мне из ванной, голая и мок-

рая, с телефоном.

– Ты чего такая радостная?

– На работу вышла.

– Я думала, замуж.

– Зачем мне муж, у меня есть машина.

«Она любила свою машину, ключи от нее она хранила на одной связке с ключами от сердца», – понял Артур, с кем болтала жена.

– Знаешь, когда-то я тоже была чувственной, нежной, ранимой.

– А потом?

– А потом надоело. Я купила машину, теперь езжу и матерю всех подряд, – эмоционально объясняла жена, что она уже почти профессионал за рулем. На самом деле по ее педагогической шкале я бы присвоил ей категорию «Интермидиат». Именно такие позволяют себе брать в салоне, впрочем, для кого-то это было неплохим методом сбросить пар.

«Полотенце», – подумал я. Я тоже иногда забывал нужные слова, но на Шилу это было не похоже.

На столе в зале лежала стопка перетянутых атласной лентой книг. Бант на самом верху из той же самой ленты, как у школьниц первого сентября. Я схватил связку и поспешил в ванную целовать жену.

– Там еще торт. Поставь пока в холодильник, – зажала она трубку, чтобы там не услышали страшную тайну.

Я знал этот торт, это был «Захер». Черный, плотный, вкус-

ный. Я поцеловал жену в шею и пошел на кухню поставить в холодильник вино. Махнулся с ним рислингом на «Захер».

– Здесь нолика не хватает на обложке! – крикнул я Шиле.

– Добавь, если нужно, но мне кажется, тебе этот возраст подходит больше.

«Нолика не хватает, добавь. Все равно все нолики в прибыли будут биты одним тире, какой бы она ни была. Тире это и есть единица... тебя, которая упадет между датами переправой, считай, что все время ты строишь вторую опору долгого своего моста, для тебя это мост, для остальных просто мостик, когда-нибудь он зарастет мхом и бурьяном». Размышляя, я открыл бутылку немецкого белого, которое приятно запотело в ожидании...

– Тебе вина налить? – просунул я в дверь ванной.

– Не. Я сейчас уже выхожу.

– А сколько лошадиных сил у твоей машины? – начала уже подмерзать в остывающей воде Шила.

– Сто двадцать лошадиных сил? Мне это ничего не говорит, – с недоумением обсуждала она покупку подруги.

– Что это такое вообще – лошадиная сила? – спросила меня, уже покончив и с подругой, и с ванной, стоя на кухне в халате. Я уже пустил немецкую прохладу по венам и налил Шиле тоже.

– Ну, это единица измерения мощности автомобиля, – смотрел я на четверку, украсившую торт. Я не знаю, почему именно лошадиная? Почему не дали имя какого-нибудь че-

ловека. Как, к примеру, сила трения в ньютонах, сила тока в амперах, с таким же успехом можно было бы измерять силу машины в Поддубных.

– Ага, а чувство юмора в Ильфах и Петровых.

– В Ильфах мне нравится. А красоту в чем? В Мэрилинах Монро?

– Здесь мнения в каждой стране свои. С любовью проще. В Ромеах.

– Почему не в Джульеттах?

– Мне это будет напоминать о твоей подруге.

– Пожалуй, ты прав. В Джульеттах лучше будет измерять потерянное время. Это, кстати, она и звонила.

– Я понял. Зачем же так долго болтать, зная, что оно будет потеряно?

– Вопрос не по существу.

– Разве я назвал ее существом? – Никогда не нравилась она Артуру.

– Я протестую.

– Протест отклонен.

– Она поднимает мне самооценку. Внушает мне позитив.

И вообще, ты же не думаешь о потере времени, когда сидишь в инете или смотришь ТВ.

– Ты права, не думаю. Что у нее новенького?

– Как люди меняются, просто диву даюсь. Такая девочка была домашняя, в музыкалку ходила, на фортепиано. Как и все нормальные девочки сочиняла стихи, сочиняла в стол,

пока не вышла замуж. Муж купил новый стол, и стихов не стало.

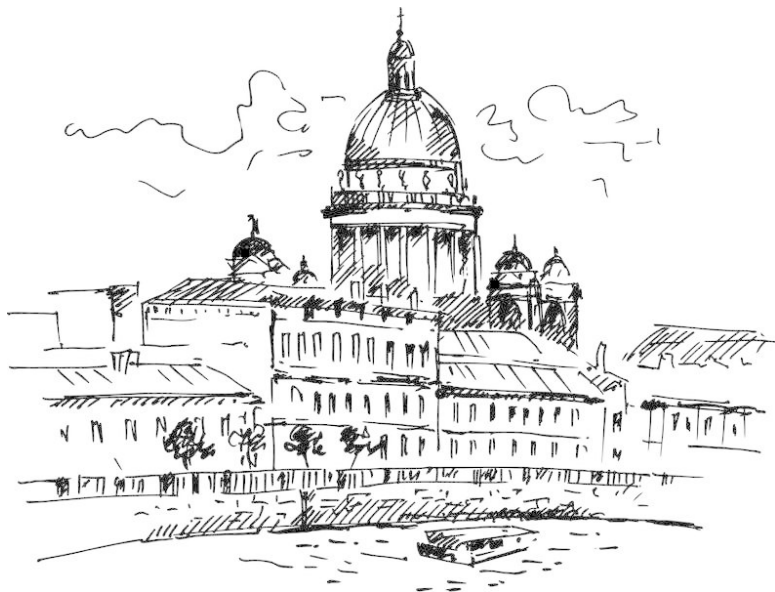
– Разве она не развелась?

– Да, но стол остался.

– Может, ей стоит его выкинуть? Стол.

– Тогда и машину, и квартиру, и ванны, и собачку, и маникюр. Вряд ли она захочет. В основном она довольна своим настоящим, но иногда, конечно, ей хочется крикнуть: «Довольно! Сегодня хочу другого...» «Неужели ты не слышишь, что это я говорю тебе, Артур?» Здесь появляется голос, он слишком долго не был на улице, он вырывается из груди, где так нудно томился и рисковал скиснуть, стать ряженкой. Голос встает на задние лапы и смотрит вокруг, потом, смело ступая по асфальту из нот, которые для него проложили композиторы, идет свободно и легко. Тысячи нот подхватили его, своего вождя, подняли вверх и понесли вперед. Что это – бунт или маленькая революция? Шила пока не готова была выступить открыто.

Я не слышу. Ладонь моя зажимает бокал с холодным белым вином, я держу не за ножку, а за тело. Я знаю, что пока не нагрею его, оно будет сохранять вкус, но стоит мне переступить грань, как вино потеряет свой шарм, очарование. Шила смотрит на меня, даже улыбка ее пахнет миндальным шампунем. Неожиданно свет на кухне погас.

Когда резко вырубает электричество, ты проваливаешься в погреб, где хранится темнота. Она как Вселенная. Черная дыра ночи. Желтая лужа на небе не просыхает. Я слышу, как ищут по полкам фонарики и свечи за стенами соседи, кто-то вышел в коридор проверить пробки, приобщиться к кому-нибудь, чтобы не было так страшно. Я – нет, я пытаюсь смириться с ней, с темнотой, подружиться, может быть, даже поболтать, такая редкость, полная темнота. Она молчит, я тоже молча смотрю на темные окна в домах напротив, там уже темноте ставят свечи, пытаюсь вылечить свой

страх. Я начал было уже привыкать и всматриваться в силуэты окружавших меня вещей. В этот момент его снова дали, свет. Будто маленький праздник, маленький Новый год. Все закрутилось, завертелось, как прежде. Конвейер заработал. Шла сборка обыденных хлопот.

– Да будет свет, – произнесла сакраментальное и протянула вперед руку с бокалом Шила. «Нет, я еще не готова». Мы чокнулись. Она пригубила символически и поставила вино на стол.

* * *

Звезды ныли. Серебряная молекула висела в холодном веществе пространства. Луна приелась. Я снова посмотрел на потолок, пытаюсь уснуть. Сны на потолке были совсем не те, что шли на стене, когда я спал на боку. «Лучшие сны я смотрел, когда спал на тебе. Что ты скажешь, если я сейчас на тебя заберусь?» «Раньше ты об этом не спрашивал, просто брал», – ответило мне спящее лицо Шилы. Я встал и вышел на балкон. Снова увлекся звездами. Я стал всматриваться в них и заметил движущуюся точку. Спутник медленно шел по улицам и переулкам. В космосе свои ПДД, своя система знаков и созвездий, своя разметка. Спутник явно искал парковку среди звезд, вот он въехал в какое-то созвездие, прошел сквозь, потом в другой двор и пропал из моего поля зрения. Я спустился с небес домой, ажурные решетки балконов

пусты, они выпирают, словно части множества лиц, они облицовка. За ними человек. Человек и есть то самое помещение, где живет душа, высотка или хибара, ему решать самому, если не сложилось до него генетически, чаще всего он сам прораб своему счастью. (Я раб Шилы, я ее раб, она моя рабыня тоже, работы много, мы выстраиваем день за днем из поцелуев, прикосновений, объятий жилище нашим высоким отношениям, мы владеем друг другом, сколько уже прошли мои ее руки, сколько они уже прощупали нашей кожи.) Прорабы – это его предки до того, как он стал рабом: центрального отопления, канализации, водопровода и прочих коммунальных удобств. Свобода вентилирует помещение. Здание венчает пентхауз. Там лежат на диванах и предаются оргиям мысли, потом выходят на балкон покурить, или курят прямо на кухне, в однушке, где еще дети, теща, жена. Жена. «Сначала она поставила в доме свою пластинку, затем поставила произношение в общение с мужем, дальше – на место свекровь, на ноги – детей, потом, решив, что главное сделано, поставила на плиту разогревать суп и до сих пор счастливо ест его со всей семьей. Сильная женщина, глядя на таких, не хочется ставить на себе крест», – всплыла в потоке моего сознания цитата из рассказа Шилы об одной из своих подруг. Я смотрел на звезды, а в голове мял газету со вчерашней хроникой.

– Смотри, какой букет, – нашла она в новостях Насти фотографию и дала мне понюхать.

– Ты хочешь цветов? – снова вернулся я к своему плоскому экрану.

– У нас никогда не будет таких сюрпризов.

– Зачем ты ее будишь?

– Кого?

– Зависть, ты так красиво сидела, она так крепко спала.

– Это чувство самое ужасное из всех. Шила. Перестань. Посмотри лучше, какой красавец, – показал я ей новый российский истребитель.

– Я только начала. Почему с годами все труднее влюбиться?

– Все из-за одиночества, оно словно любимое животное. Его не бросить и отдать некому. У всех полно своего.

– Так хочется влюбиться этой весной, – наконец она посмотрела на самолет.

– Иди и влюбись.

– Конечно, как это по-мужски, послать женщину, вместо того, чтобы исполнить ее просьбу.

– Нравится? Истребитель шестого поколения.

– Ты истребляешь во мне все живое, – снова уткнулась Шила в свой экран.

– Все животное, ты хотела сказать?

– Я хотела, я хочу, я буду хотеть.

– Черт знает что, – вырвал я себя из дивана.

– А теперь ты пойдешь точить из деревяшек своих зверушек. Зоопарк какой-то.

– Раньше они тебе нравились, – достал я из ящика кладовки одну из заготовок. Это был сучок, подобранный в парке, напоминавший слона. Но настроения оживлять млекопитающее не было. Хотя психотерапевт, которого я должен был посещать, настоятельно рекомендовал от депрессии. Будто я ею страдал. «Самый верный способ снять стресс – занять руки». Я занимал. У меня была целая куча такого древесного хлама и даже появилась деревянная мечта: выточить из этих сучков и задоринок шахматы. Однако найти в лесу материал, из которого можно было бы сделать настоящую фигуру, было делом непростым, примерно, как и найти настоящую фигуру в обществе. Кое-что я уже имел, а именно: восемь пешек, две ладьи, два коня, король и ферзь. Я вернул этой армии слона.

– Раньше они были живые. Потому что раньше ты был живой.

– Куда ты? – слышала Шила, что я открываю дверь.

– Подышу.

– Далеко?

– В зоопарк.

* * *

Дома дрожали от сырого холодного ветра, словно коронки в зубах в пожилом рту, металлокерамика кровли сточилась и постарела, кое-где виден был кариес. Я проходил ми-

мо красивого, тронутого временем особняка. Тот был на санации, стоматологи в касках сверлили и закатывали гипсовые пломбы. «Как ты?» – спросил один дом у другого. «Да, нормально, только надоело мне все. А ты?» «Я спрятался в лесах. Раньше ты стоял особняком, а теперь выглядишь ее пристройкой», – намекал он на телефонную башню, ввинченную совсем рядом.

Ночью город был щедрым настолько, что карманы его улиц были вывернуты наизнанку. Вывалив на мостовую все до последнего рубля, опустошенный до последней капли совести, он шел на поводу у прохожих, будто собачонка, готовая служить за спасибо. Я их всех знаю, как облупленных потомков классицизма. Питерцы – они вечно чем-то недовольны, закрыты, сумрачны, словно родственники, не поделившие наследства. Но это только снаружи, стоило пробраться глубже в душу, здесь самое логово доброты, человечности и интеллигентности. Человека надо было время от времени доставать из проруби Питера, чтобы окунуть в ванну, наполненную Парижем или Римом. Париж – это хорошая спа-процедура для любого мышления, не только творческого. Но времени нет, так как их уже окунули в Питер и так и не достали из гранитной кастрюли. А им нравится. Вымоченные в студеном маринаде камня и Невы, они любят свой город и в то же время интеллигентно ненавидят, особенно когда вынуждены натягивать на небо воротник, пряча голову в плечи, чтобы не надуло каких-нибудь революционных

мыслей. Времени нет. Питер забирает его целиком и тебя с потрохами. Я неожиданно вспомнил о своих, когда закололо в боку. Конечно, это было перо, ему не терпелось высказаться, оно подгоняло навалить какое-нибудь стихотворение, повесть, роман, эссе на самый крайний случай. Эссе в переводе с татарского значит «горячий». Да, зайти в первое попавшееся кафе и заказать кофе – эссе, кофе – глянсе, с комком мороженого. Я уже представил это великое таяние льдов в отдельно взятой чашке. «Если долго идти на север, то рано или поздно придешь на юг» – осенило меня собственным фольклором. Оторвавшись от набережной, я попадаю в гольфстрим Невского. Здесь постоянно действующая выставка под открытым небом, кто на что горазд. Рядом со мной шел чудак со скоростью моих ног, он шел, головой ударяясь о небо, ногами спотыкаясь о бег, он выдыхал словами, по городу шел поэт. Поэтов было видно издалека: он с собой разговор развязывал, с прочими вышивался скучно, мигрени узор невысказанного либо недослушанного, обкрадывало вниманием прекрасное, ставшее мерзким. Ему, как и всякому питерцу, предстояло пережить этот кризис, нелегкий период стихов. Надо было его просто переболеть, главное, чтобы без осложнений. Питер – он оставлял поэтам свои автографы прямо на душе. Иногда это было больно, потому что знакомо, чаще приятно, потому что хотелось такое пережить. Будто услышав мои рассуждения, у площади поэт прибавил шагу. Он шел, а кругом Восстание, выплюнутое Невским.

– Я думала, если ты не придешь до без десяти час, то я пойду на улицу искать тебя, – встретила она меня на крыльце квартиры, завернутая в одеяло и со слезами, уже блестевшими радостью на глазах, крепко вжалась в мою грудь, словно птица, которая наглоталась свободы и просилась обратно в клетку ребер. Я ее впустил.

– Я считала до ста сначала раз пять, но это не помогло, ты не приходил.

– Надо было по-немецки считать, – скинул я туфли.

– Тогда бы уже тебе пришлось выйти из себя, чтобы меня найти, – улыбнулась влажными губами Шила. – Знаешь, в детстве, когда родители уезжали, я страшно боялась, что они не вернуться. У меня даже был обряд заданий, которые надо было сделать, чтобы они вернулась. Когда ничего не помогало, она использовала последнее и самое верное средство: надо было сходить в туалет. Сидя на белой фарфоровой чашке, она долго тужилась, наконец ей это удавалось, и родители, как ни странно, тут же приезжали.

– Вот дерьмо, как же они смели оставлять тебя одну?

– А ты, ты же смел?

– Не настолько, или тебе снова пришлось прибегнуть к этому способу?

– Нет, я бегала от окна к окну, пытаюсь разглядеть тебя

на тротуаре.

– А зачем было бегать?

– Чтобы не пропустить тебя при выходе из-за угла. Знал бы ты, сколько людей ходит по ночам.

– Я только что оттуда, я знаю, даже на нашем пяточке под соснами сидят двое и пьют пиво, плевать они хотели на ночь, – тянул я Шилу на кухню, она меня – в спальню. В итоге Артур уступил.

– Тебя не было два часа. Это самые длинные два часа в моей жизни. Как же я соскучилась по тебе.

– Я дошел до цветочного, а там на дверях записка «Буду через двадцать минут», решил погулять еще, вернулся через час, все та же записка. Это были самые длинные двадцать минут моей жизни, и они все еще не прошли, представляешь?

– Я так и подумала, что ты из-за букета.

– Нет, не из-за, а за.

– Теперь я понимаю, что за... коза я, тебя мучаю, сама потом страдаю.

Артур усмехнулся ее шутке.

– Живет коза лохматая, капризная, пузатая, живет со мной, – перефразировал детский стишок.

– Пойдем спать, – прижилась она в моих объятиях. Мы завалились на кровать, которая не раз была исписана любовью, нашей любовью.

К расстояниям любовь относилась с прохладцей. Она начинала кашлять, чихать. Ей нездоровилось, и часто кружилась голова, а потом она начинала охать, что еще немного, и она начнет кружиться совсем от других мужчин.

На душе у нее было неприятно, будто кошки скребли... новые обои. Шила не любила длинные телефонные разговоры, но еще больше она не любила длинные безответные гудки. Мои гудки. Я знал, что ей постоянно нужна была связь со мной, ей необходим был мой голос, вплетенный в нее, как ленточка в косу. Я и сам в нем нуждался. Хотя мог логически переживать молчание трубки, представляя, как абонент прогуливается на свободе вдоль колючей проволоки по ту сторону зоны. Она – нет, она начинала набирать снова и снова, и так сто пятьдесят раз подряд, пока не дозвонится. Затем она, как котенок, долго гоняла по полу клубок своих проблем. То отпускала его, а потом снова нагоняя и набрасываясь жадно, как на добычу, снова путаясь и отбегая. Как обычно, тем самым сильным полом был я.

– Почему ты не брал трубку?

– У меня же занятия.

– Стюардессы, понимаю, короткие юбки, длинные ресницы, пронзительные взгляды.

– Да, и шампанское, как Vip-у.

– Очень важная персона, – расшифровала аббревиатуру жена. – Я злая, но мне тебя не хватало.

– У тебя раздвоение личности.

– Нет, раздвоение – это другое.

– Какое?

– Я тебе скажу про раздвоение личности: это когда часть тебя хочет спать, а вторая переспать.

– В любом случае, – рассмеялся я, принимая вчерашние извинения жены, когда я пытался привести в чувства ее прелести, но взять их в аренду у засыпающего тела не получилось, – береги свои нервы, не на чем потом будет играть. Нервная система – самая важная из всех поставленных человеку Всевышним.

– А как же внутренней секреции? – на глазах раздобрела сердитость жены, став толстой, ленивой и сонной.

– Это секретная информация, – улыбался я в трубку.

– Хватит паясничать, я все еще зла. Я не хочу ничего беречь, я живу один раз. Посмотри, сколько раз я тебе звонила.

– Двадцать один. Очко.

– У тебя не нервы, а стальные канаты.

– Нет, у меня струны. Шесть струн, как чувств у гитары, – механически посмотрел я на пальцы и вспомнил, как мучил бедный инструмент в детстве, но дальше шести аккордов дело не пошло, хотя мозоли на подушечках пальцев от баре, частушек и лестницы имели место.

– В таком случае у меня их осталось три, как у балалайки.

– Как мало.

– Зато эффективно, буду тренькать тебе, пока не ответишь.

– Чувствую, дело пахнет испанским воротником.

– Успокойся, марьячи, сейчас это не в моде, сейчас не дерутся за дам, как раньше, не поют им серенады, не лезут из-за них на рожон.

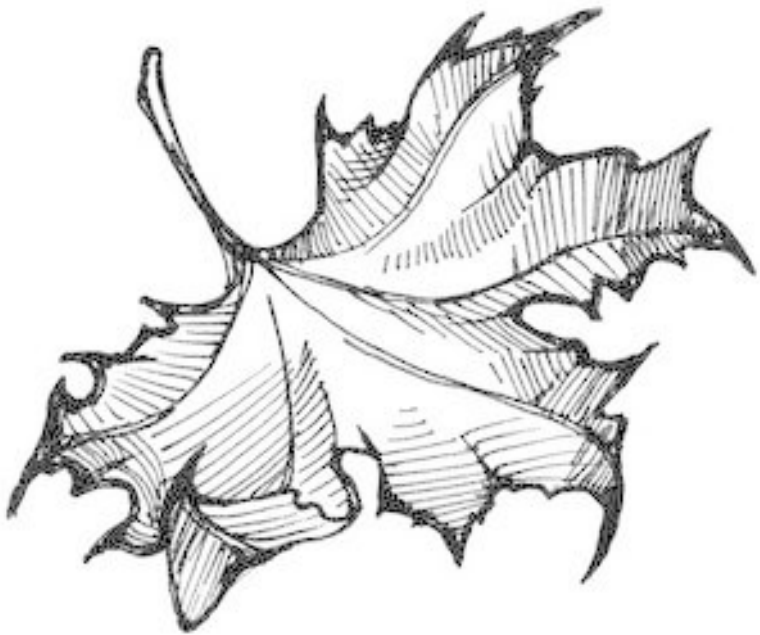
– Да, черт, как скучно мы живем. С этим надо что-то делать.

– Даже к скуке у него был деловой подход, – иронизировала жена. Это был хороший признак, признак предмета любви. – Чем займемся сегодня?

– Любовью, давай тупо займемся любовью.

– Мне нравится ход ваших сперматозоидов.

Самое сильное признание – без слов... Все решают оголенные части тела, словно провода, по которым течет ток. Чувствую, как во мне просыпается высоковольтный столб. Шила хотела, чтобы ее ударило током немедленно. Я поспешил домой.

Она обнаженная лежала, словно закладка в раскрытой книге дивана. Я не знал, когда дочитаю этот роман. Нет, не то чтобы роман был не интересен, просто хотелось читать бесконечно долго.

* * *

– Ты опять ушел в себя? Давай возвращайся, а то мне

скучно. Слышишь? – гладила собаку, сидя у телевизора, Шила.

– Меня отстранили от полетов.

– Ты шутишь?

– Вроде того, но почему-то не смешно.

– Я не понимаю. За что?

– По состоянию здоровья. Назначили комиссию на проверку моего психического состояния.

– Это какой-то абсурд.

Чувствуя, что ее как-то резко перестали гладить, собака тревожно подняла морду, будто и ей тоже не верилось в сказанное. Новость зависла в воздухе, она заполнила комнату и вытеснила из нее напрочь то уютное состояние дома, к которому стремится каждая семья. Джек всегда чувствовал, если что-то в доме было не так. Эти чувства начинали его переполнять, будто у тех был свой пузырь, который давил и выдавливал его из квартиры на волю, на свежий воздух два раза в день. Джек посмотрел на меня, потом навел морду на Шилу, облизнулся и тявкнул, призывая ее сделать хоть что-нибудь. Жена встала, сделала круг по комнате, затем вышла на кухню, вернулась с двумя бокалами и бутылкой виски.

– Это надолго?

– Думаю, что нет.

– Не переживай, – налила она полстакана мне и себе несколько капель.

– Не переживу, – улыбнулся через силу Артур, поднял

стекло и посмотрел через него. Мир преломлялся.

Меня отстранили сроком на два года. Вроде как выбросили в открытый космос. Некоторое время я бродил в пространстве от кухни до спальни, пытаюсь найти себе новое место. Место мне нашла моя же авиакомпания. Предложили преподавать технику безопасности бортпроводникам. Я спустился с высот на землю, чтобы встроиться в ритм другой, на вид такой знакомой мне жизни. Никогда не думал, что это будет стоить мне такого труда. Будто здесь действовали другие законы гравитации. «Безумцы, как они здесь живут?» Люди делились на тех, что испытывали притяжение земли, меня же, наоборот испытывало это самое притяжение, я относился к тем, кто жил притяжением неба. Тело мое бродило здесь, исполняя несложные функции *Homo sapiensa*, а разум витал там, в облаках. Шила держала его на ниточке, как воздушного змея, пытаюсь поймать ветер, чтобы не потерять то общее, что нас связывало, чтобы жить дальше.

Я прошел медкомиссию. Ничего предосудительного в моей психике не нашли, но, решив подстраховаться, назначили какое-то профилактическое лечение с обязательным посещением психотерапевта. Постепенно все сглаживалось, как у тех фигурок из дерева, что я точил и лакировал, придавая им вид земных существ.

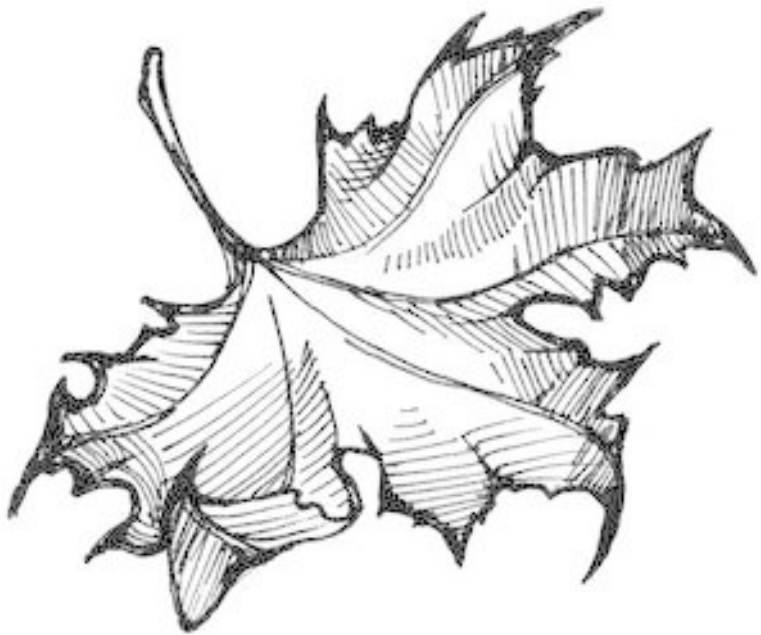
Лестница наших отношений с Шилой была крута, она закручивалась винтом, ее штопор заходил все глубже в пробку быта. Откупорить эту емкость не было никаких сил.

«Сдвинь немного свое необъятное тело, разлеглась как тюлень», – услышала Шила от мужа. Она филологически болезненно воспринимала все слова в свой адрес, и даже те, что были написаны другим адресатам, умудрялась прочитать и принять как вызов, чтобы резко стать на оборону своей независимости, представляя иное предложение вражеским войском, которое покушалось на принципы ее республики, а одиночные слова или фразы – неприятелем, лазутчиком, шпионом, пытающимся взломать ее защиту. Отвечать ей было лень, она просто подвинулась, демонстративно отвернулась к розам на стене, будто хотела их понюхать. «Мне кажется, я слишком молода, чтобы вставать так рано». Четверг был самым не востребованным днем в ее жизни. Она чувствовала себя тем самым письмом, которое давно уже пришло и ждало, пока за ним придет он, откроет его, прочтет и ответит взаимностью.

«О чем ты задумалась?»

«О тюленях».

«Ну что ты, обиделась? У меня с утра с фантазией плохо, в голову только тюлени пришли, еще были слоны, но мне показалось слишком». – «Тогда бы твой хобот точно остался без водопоя». «Ты все еще сердишься?» – повернулся я к ней, обнял сзади. «Вроде четверг только, а я уже вся в субботе». – «Сейчас я тебе устрою субботу». Начал гладить рукой меж ее интимных строк, что я там читал? «Весна!» И это уже был не крик, а бунт на каравелле, которая желала причалить к острову, а, может быть, даже разбиться о его берега,

застигнутая внезапным штормом страстей.

– Идешь ловить бабочек?

– Думаешь, они уже есть?

– Да, у меня их полно.

– Я чувствую, – вникала моя рука все глубже в текст. –

Откуда они?

– С Марса. – Шила сама не знала, почему назвала его имя.

– Земляки. Я ведь тоже оттуда.

– Те, что с Марса, любят закаты и заливы, – отгоняла от себя чужой образ Шила.

– В смысле? – вдохнул я волосы Шилы, не сильно придавая значения своим словам. От нее пахло любовью за сто километров, а может быть, даже за тысячу. Раньше я летел на этот запах, как кот на валерьянку, по пути совершая подвиги и преступления. Много ли надо мужчине для счастья, чтобы ждали. Теперь этот аромат все время был под боком. В земной жизни были определенные плюсы.

– Закатывать и заливать.

– А те, что с Луны – рассветы?

– Нет, сыр, я люблю сыр и вино, тебя и подарки, – беспощадно мешала правду с ложью Шила.

– Что тебе подарить?

– Море можешь?

– Безумная.

– Значит, не можешь?

– Не могу, оно мне дорого, как память об отдыхе.

– Жаль. Летом, с кем бы тебе ни спалось, просыпаешься с чувством легкого недомогания до тех пор, пока не съездишь на море.

– А с кем тебе не спалось?

– Догадайся.

– Ладно. Финляндию могу предложить.

– Там море холодное.

– Нагреем.

– Она зашла в море и нагрела его, – иронизировала Шила.

– Да, именно, своим безумием, – будто неожиданно дали горячее отопление, ощущал я жар ее тела, на которое стал давить мой атмосферный столб.

– Что ты хочешь, разгар весны. Все съезжают с катушек.

– И что, все женщины так безумны в этот период?

– Каждой крыше свой навигатор. Ты считаешь меня сумасшедшей?

– Иногда.

– А в остальное время?

Я делаю вид, что не умею считать. Я видел свои пальцы группой путешественников на краю огнедышащего кратера. Кратер дышал любовью. Казалось, вся ее искренность находилась именно там, и с каждым моим шагом из нее вырывался новый крик. Будто она спрашивала все время себя: «А как ты?» – и тут же отвечала себе на выдохе шепотом: «Кайф». Женщина может быть искренней только в двух случаях: либо когда злится, либо когда кончает. В любом случае ей при-

ходится для этого выходить из себя, то обыденно за хлебом, то торжественно замуж.

* * *

На улице запищала чья-то сигнализация, безумие охватило весь квартал, звук был отвратительный. Все побросали тех, с кем спали, и выглянули в окно, они не боялись за свои застрахованные авто, просто хотелось набить морду тому мудаку, чья машина так яростно звала к себе. «Не моя». — Я прошел босиком обратно и лег. «Она так и будет пищать всю ночь?» Пища для тех, кто не спит. «Спи, дорогая, я думал, тебя хотели угнать». — «Как я могу спать в такой духоте. Будто в голову воткнули радиоприемник». Я представил, как кто-то другой прилег к тебе, начал подкатывать свои ядра. И только открыл дверь, а ты как заорешь, все посмотрели на своих. «Не-не, не моя, а ты не унимаешься, они все, кто проснулся: «Да сколько можно, когда же это все закончится?» «Да кому она нужна». Ты кончаешь долго, заразительно сексуально. Ты прикончила их всех, отдышалась, тоже ощутила ногами холодный пол, в ванной побежала вода, открытая тобою. Тебя украли ровно на одну ночь, из-за этого, душа моя, мне тоже не спится, я борюсь со временем и со своим недоверием, уже размером с ревность. Позвонить, что ли, но ты в душе, ты не услышишь, о чем я буду говорить с твоим любовником, разве что о погоде, но все знают, что

завтра – дождь у меня, у тебя – солнце. «Ты знаешь, который час?». «Нет», – скажет он, и опять время покажет мне средний палец. «А что?» – спросит он меня. «Мне завтра рано вставать». – «Меняй работу». – «Где я ее столько разменяю. Курс сам знаешь какой». – «Не знаю». – «С Марса, что ли?». – «Не, с Венеры» (так про себя я называл свою жену).

«Как там?» – понимающе спрошу я, как всякая любопытная женщина, ждущая комплимента. «Как везде», – почувствую, как хочется ему вернуть проклятую рифму к этому слову, поэт. «Как же ты меня достал». – «Иди-ка ты в баню». В баню я старался ходить раз в неделю, в общественную, где голые мужики собираются на одном этаже, а голые женщины на другом, чтобы посмотреть на себе подобных, схлестнуться вениками и пообщаться без галстуков. Конечно, веселее было бы смешать их всех в одну большую семью, но пара хватало и без этого. В парилке царило бабье лето: кружатся листья, ветки стегают по спине, по ногам в урагане мелькающих рук. Кроме того, разговоры о политике так или иначе скатывались к женщинам, которые в это время находились этажом ниже. После болтовни о женщинах говорить, как правило, было не о чем, все замолкали, только яростнее хлестали вениками друг друга.

– Как ты?

– Вроде бы ничего, только пусто как-то в жизни.

– Ну так суббота, восемь утра. Ты чего так рано вскочила? – возился муж с кофе, когда я вошла на кухню, завернула

тая в простынь.

– Ты встал, и сразу похолодало в постели, будто одеяло забрали.

– Пойдешь со мной в баню? Там тепло.

– Меня пугают большие скопления голых людей.

– Двое – это уже скопление?

– Если ты про нас, то, несомненно. Скопление противоречивых чувств.

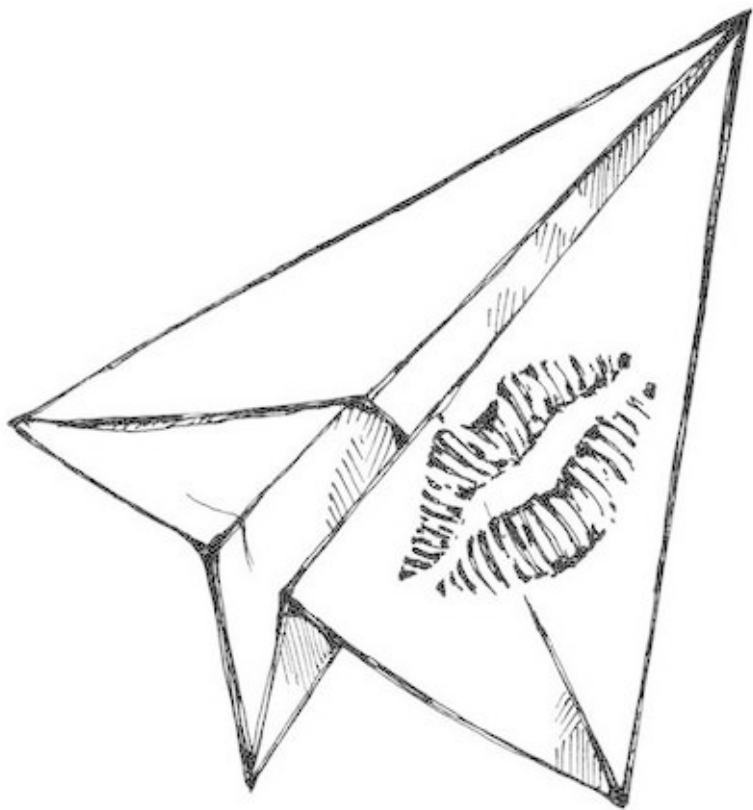
– Я бы сказал, полов.

– Ладно, давай спать, муж.

– Как скажешь, жена.

* * *

– Оля! Оля! – заревел зверем на улице мужской голос. Он ворвался в мой сон, он уничтожил его. Я открыл глаза темноте. – Оля, где ты? Я знаю, где ты живешь, – продолжал сотрясать тишину рев. – Я реально тебе позвоню.

- Что за урод? – проснулась жена.
- Отстреливать надо таких.
- Отстрели, пожалуйста.
- Оля, – на этот раз на распев отозвался мужчина.

– Гормоны играют.

– Почему именно на нашей улице?

– Оля! Оля! Оля! – прокатилось троекратное по двору, все еще не теряя надежды найти свою Олю.

– Эй ты, долбо... иди отсюда на х... – открылся окном чей-то разбуженный рот.

– Отстрелили. Кто-то опередил меня.

Во дворе воцарилась тишина.

– Ушел, – прошептала Шила, переворачиваясь на бок.

– Оля! Оля! – словно эхо предыдущих криков, голос отдаленно воскрес в соседнем дворе.

– Неужели это так близко? – почувствовал я, как улыбнулась Шила.

* * *

В нашей пленке жизни я не видел ни одного неудачного кадра, как же она была фотогенична. Не только для моего объектива, но и для окружающих. Жена. Даже в крошечной тьме она отбрасывала свет, словно мантию, под которой ничего лишнего, только я и ее любовь. У нее, конечно же, были свои тараканы в голове. Однако уничтожить их значило потерять привлекательность. Я включил лампу настольную. В меня ударил свет.

– Читать будешь?

– Да.

– Что?

– Тебя.

– Ты не поймешь.

– Ну и что, зато я смогу гордиться, что читал свою жену.

Прочел от корки до корки.

– До подкорки. Мне-то что с этого?

– Что тебе? Бессрочная аренда моей души и моего тела.

– Не густо.

– А я думал, тебе густа.

– Хватит включать испанский, три часа ночи, дай поспать, – уткнулась в подушку лицом Шила... Потом резко развернулась: – Ты хоть когда-нибудь можешь быть серьезным?

– Могу, но твой воинственный дух меня веселит.

Шила снова вернулась в подушку.

– Ты не спишь? – окликнул я ее через несколько минут контрольным.

– Самый дурацкий вопрос.

– Почему, почему не спишь?

– А ты не догадываешься?

– Если я догадаюсь, мы опять начнем выяснять отношения.

* * *

Читать незнакомые книги в детстве всегда было делом

непростым. Я открывала толстые книги страниц на пятьсот, отнимала предисловие и послесловие с примечаниями, произведение становилось заметно тоньше, а если были еще и картинки, то уж совсем замечательное. Я пыталась освоить скорочтение, чтобы как-то прибавить скорости, читая страницы по диагонали (пытаясь применить теорему Пифагора, где сумма квадратов двух катетов равнялась квадрату гипотенузы), но тогда пропадало всякое удовольствие от чтения, то же самое, что пойти гулять в парк и резануть его по диагонали, чтобы быстрее вернуться домой. Хуже всего получалось с сочинениями. С русским всегда были проблемы, то запятую не там поставишь, то «не» напишешь слитно. Только позже я начала понимать глубину последнего правила: «не» раздельного, когда невозможно было смириться со сказанным, и «не» слитного, когда в силу обстоятельств приходилось терпеть. На русский моего терпения не хватило, я провалила сочинение на первых вступительных экзаменах в Университет. Филфак помахал мне своей женственной ручкой. Потом долго шла вдоль реки по набережной, в горле неприятный осадок досады, словно поела вяжущей все усилия хурмы. Фильтр при поступлении был тщательный, меня выбросило, как использованную заварку на берег Невы. Ничто в этот момент не могло утешить девушку, ни успокоительное родителей, ни обезболивающее друзей, даже симпатичный абитуриент, рядом с которым я страдала сочинение. Женщины более чувственные существа: пока мужчина изу-

чает ее физику, внутри женщины уже идет химическая реакция. Здесь ему важно не упустить время, чтобы не выпасть в осадок. Он упустил и где-то возле Благовещенского моста оставил меня. Не раскрыла тему («Роль музы в становлении поэта»), таков был вердикт комиссии. И я с ней согласилась. По дороге я успела выслушать его точку зрения: «Все творцы – они, по сути, поэты, только языки у них разные. Математики, что пишут уравнения, словно стихи, композиторы, точно так же музыку, художники – живопись. Они все частички одной Теории Большого взрыва, где Вселенная расширяется, Вселенная – не что иное, как сознание, процесс этот постоянный и бесконечный... Писатель или поэт? Не вижу разницы. Напишите роман в столбик, и получится поэма».

Потом он попытался что-то сочинить на ходу.

Я молчала, ему не удалось, а может, и не хотелось пудрить мне мозг, может, он не увидел во мне музы, отчасти потому, что я не мечтала в детстве стать ни поэтом, ни писателем, я хотела быть преподавателем, получать оклад и премиальные, по выходным ездить на дачу, летом на море, в двадцать три года жениться, в двадцать пять лет завести детей, потом стать заведующей кафедры, в шестьдесят выйти на пенсию и нянчить внуков. Какая из меня муза? У муз не должно быть планов.

– Подойдешь?

– Уже.

Маленький розовый кусок мяса рыдал, кусок моего мяса, моего голоса, моего будущего в скорлупке орехового дерева. Я подошел к кровати и качнул ее. Рот погас, щеки ушли в себя, и тут же, осмелев, из укрытий вышли два веселых любопытных огонька. «А, хитрюга, знаешь, что папка тебя любит, знаешь, чем на жалость давить». Детеныш засмеялся, будто слышал меня, я поднял с матрасика соску, вытер полотенцем и сунул ему обратно в рот. Тот втянул в себя недостающую деталь сна и с благодарностью закрыл глаза.

– Уснул?

– Он и не просыпался, – ответил Марс, когда вернулся в постель к жене.

– Кошмары, что ли?

– Ага. Соску умыкнули.

У него соску, у меня время. Дети, сколько же они отнимают моего личного времени, времени, которого катастрофически не хватает. Постоянно живу в долг у следующего дня, вот и сегодня уже 2 часа заняла и до сих пор не сплю. Все чаще я недовольна собой. Недовольство – это мое второе Я, оно просыпается раньше меня и ложится позже. Ворчит постоянно, капризничает и нагоняет тоску. Иногда я подумываю

пришлепнуть его, сейчас ищу кого-нибудь для такого дела. Мужчину, который смог бы одним выстрелом положить этому конец, сказав: «Довольно так жить». Ну и контрольным добавил бы: «Я сделаю вас счастливой».

– Кто же сделает меня счастливой? – произнесла вслух Вика.

– Я не гожусь на такую работу?

– Куда уж. Ты даже с муравьями справиться не можешь.

– Тогда зачем я тебе? – посмотрел я на лицо жены, освещенное экраном. Там шли без звука новости. Сейчас они освещали события, происходящие на лице моей жены.

– Откуда мне знать. Пригодишься, – спокойно смотрела она в телевизор.

– Ты цинична, – ответил Марс, вдруг он явно ощутил рядом холодную черствую тварь, чья душа выдыхала каким-то другим текстом, а тело – чужим потом.

– Влияние общества: мужчины – тряпки, женщины – швабры, а порядок в отношениях навести все равно некому.

– Откуда что берется, где тот ангел, на котором я женился.

– Да, меня давно не любили.

– Ты заблуждаешься.

– Я уже заблудилась.

– Мечтай.

– Ах, мечты, они ставят меня порой в такое неудобное положение.

– Весь мир давно уже там стоит, – прислушивался Марс к

спокойному посапыванию кровати, где рос малыш.

– Что же его до сих пор поддерживает, – вяло спросила меня жена, забыв поставить в конце знака вопроса.

– Режимы.

– Мне казалось, они падают один за другим. Словно домино.

– Ты как хочешь, а я спать. Выключи его уже, ты же видишь, как он от тебя устал.

– Не могу. У меня в руках пульт от мира. Я должен руководить процессом, а то они, – кивнул я на экран, где шла криминальная хроника, – уже сбились с ног, они пытаются обнаружить след, они даже нашли машину, из которой была убита жертва, теперь разыскивают киллера, того, кто мог это сделать, чтобы узнать, кто же его нанял и зачем, чтобы поймать зло и поставить его в угол, образованный преступлением и наказанием, чтобы успокоить всех.

– Понимаю, – вздохнула жена. Все мужчины одинаковы, все считают, что так или иначе правят миром, пусть даже в руках пульт от телевизора.

– Раньше ты была обо мне лучшего мнения.

«Киллер. Ты убил меня одним поцелуем» – вспомнил я, как однажды сказала она мне. – А сейчас что, сколько надо было этих поцелуев, хоть целую обойму, а толку никакого, будто стреляешь холостыми, может быть, дело было в том, что их срок годности давно истек и нужно менять губы, нет, конечно же, не ее, мои губы, это ведь я ничего не чув-

ствую. Хотя со вкусами вроде как все нормально. Взять хотя бы клубнику, лучше даже килограмм, а если делать варенье на зиму, то все десять. Какой запах? На все воображение. Надо признать, что теперь нам с женой гораздо вкуснее есть клубничное варенье, несмотря на то, что оно тоже просто-яло в погребе у бабушки год или два. Даже у варенья вкус остается. Выходит, дело вовсе не в губах, которые теперь не тянут даже на маринованные грузди. Может, в языке? Вероятно, он стал канцелярским от долгого семейного общения, он утратил прежний шарм, прежнюю шершавость. Шершень уже не тот. Может, надо менять язык, говорить по-другому, значит, и слышать по-другому, и мыслить по-другому, но тогда уже придется менять всю голову целиком. Мы изменились, мы испортились. Да-да, мы испортились, причем давно, и вообще уже не годны не только к употреблению, но даже к использованию. Все меньше звонков на телефоне. Даже как польза я уже не годен, я стал бесполезным этому обществу. Какое счастье, можно бы воскликнуть и повторить: «Какое счастье – я стал бесполезен этому обществу! И не только я», – снова я вернулся к блоку новостей по ящику. «Но где же тогда счастье? Его же нет тоже. В браке его нет, по крайней мере в моем, может, оно и было когда-то, пока хотелось по три раза на дню, но теперь же – нет. Его нет даже на работе, даже в машине, хотя тоже было первые три месяца, когда я только ее купил. В холодильнике? Может быть, там оно, по крайней мере, хранится дольше. Да, надо пойти

перекусить чего-нибудь», – снова посмотрел я на жену. – «Не надо на меня так смотреть». – «Как?» – «Будто между нами уже все было». – «Нет, я надеюсь, что нет, что еще не все», – захотелось мне закричать, но я ограничился: «Поставь, пожалуйста, чайник».

Проснулся в четыре ночи, сна нет, темно, долго ворочался, обнимая жену и так и эдак, размышляя, что я такой один, в пять встал, зашел на кухню, зашел в Интернет и понял, что «Нет, не один, нас таких добрая половина, добрая половина проснулась, а вторая спит как ни в чем не бывало, она видит прекрасные сны, это не значит, что она злая, просто у них нервная крепче, или вчера алкоголь, или снотворное, или любовь крепче, та тоже может держать в постели сколько угодно».

Скоро он уйдет на работу, а у нее отпуск, декрет о мире, о любви к личному мужу, к собственным детям, и Вика будет спать, пока ее не растрогает совесть или голодный плач малыша.

Этим утром ей хотелось кого-нибудь прибить. Как назло, никого вокруг. Муж уже ушел на работу, он у меня молоток, а где лежат гвозди я не знала. «Может быть, позвонить? Да, он уже в небе. Десять километров». Ей вдруг дико захотелось ему позвонить и сказать что-нибудь ласковое, чтобы получить пинок за вчерашнее, как наказание. Этим утром ей не хватало мужа, ей не хватало наказания. День был странный. Дети дружно пошли в школу за знаниями, будто им вдруг

надоело глупить, природа строила из себя весну, вторник косил под понедельник, я, не отрывая глаз, делала зарядку в постели. Наконец, выпив кофе, я вырвалась из дома. От города несло осенью, опятами и первоклассниками.

* * *

Весной, безусловно, дышалось лучше, потому что воздух проникал через все отверстия, она чувствовала это, она знала, что влияние этого времени года несравненно, как влияние любимого мужчины. «Теперь она, весна, будет управлять мной до тех самых пор, пока я не адаптируюсь». «Тебе нужен адаптер, чтобы трансформировать твои расстройства, капризы и твои закидоны», – заявил вчера муж. Была ли весна тем самым адаптером? Скорее всего, по крайней мере напряжение в сети росло. В Интернете все вздыхали, охали и ахали, мечтали поймать бы кого-нибудь в свои сети. Сколько можно, болтается этот карась в моих, и ни одной крупной рыбы больше за всю жизнь. Всякая рыбешка попадалась, с одними можно было перекинуться парой фраз, и становилось все ясно, с другими же не хотелось всю ночь посвятить хронике их жизни. Мне нужен был экшн. Его полная версия, а не трейлер... «Может, в парке погуляем?» – предложил вчера в рабочем порядке муж.

– Опять эта ретроспектива.

– А тебе что нужно?

– Мне нужен экшн. Чтобы мордой в любовь, чтоб накушаться ею до поросячьего визгу». Ерунду болтаю, конечно (муж так и сказал). Почему я такая верная? Или трусливая? Почему я ни разу не попыталась изменить, изменить свою жизнь? Похоже, она меня устраивала. Пришла с работы, кинула ее на диван. «Смотри телевизор, я пойду что-нибудь приготовлю, посуду помою». – «А если этот придет, твой муж?» – «Наш муж!» – «Ну да, наш муж, начнет приставать». – «Размечталась. Не начнет, он же уставший, ему нужен ужин, ему нужен покой, но в крайнем случае дашь ему, что ты как девочка». – «Ладно», – уткнется жизнь в экран, пока я быстро залатаю бытовые дыры. Так и занимаешься вместо любви хозяйством. На черта оно мне сдалось, это хозяйство, а ведь сама к этому шла, сама шаг за шагом, шкаф за шкафом, выстроила это царство уютно-котлетное. Почему нельзя просто купить этот самый уют, в той же самой «Ютере», а лучше бы даже в «Ашане», на вес. «Девушка, этого хватит на вечер?» – «Читайте на упаковке, там все написано». Откусишь прямо там же в магазине, порядок. Принесешь свежего уюта мужу и детям, они тоже счастливы. Все, остальное время можно заниматься ничем, кроме любви или, если ты живешь одна, – собой. И не нужно городить, встраивать мебель туда, где и нет места для самого главного, для любви. Так нет же, вместо этого ты катишь впереди себя телегу и наполняешь ее черт знает чем. «Одна тысяча двести сорок», – произнес кассир, сыграв мне коротенькую увертю-

ру на своем органчике, тот в свою очередь покажет бумажный язык. «А хотела только яиц купить». Вот так же выходишь замуж, вроде как только яйца чьи-то купить, а потом катишь полную телегу черт знает чего еще. Кассир оторвала мне чек и сунула под сдачу вместе с улыбкой: «Приходите еще».

– Приду, куда же я денусь, – собрала я в ладошку железо и пересыпала в кошелек.

– Вроде четверг только, а я уже вся в субботу.

– Ранняя в этом году весна, – услышала чей-то разговор за спиной.

– Да? А я вот до сих пор ни в кого не влюбилась.

Подруга не слушала, выкладывая на ленту свою пищевую цепочку, вместо нее внимательно слушала я:

– Сегодня поссорилась со своим. Теперь жалею.

– Чего так?

– Погода чудная, могли бы погулять.

– Ыммм, – снова проигнорировала ответ она и выпустила в русло черной плоской реки большую форель, та боком легла на ленту и поплыла. Мне стало жалко рыбу, которая сохла на столе вчера на корпоративе в честь Восьмого марта. «Не ждите от жизни подарков! Даже на Восьмое марта», – появилась строчка в сознании. Вика долго не могла вчера уснуть и полночи переписывалась с одним писателем.

«Неужели все так грустно? И ничего нельзя изменить уже?» – «Можно, конечно. Успех этой женщины был предопределен тем, что она никогда не ждала подарков от судьбы, будь то Новый год или Восьмое марта», – скормил он мне новую цитату. «После полуночи вредно есть даже духовную пищу, плохо усваивается». – «Все писатели лгуны, они

пишут так красиво, чтобы вы им верили». – «А поэты?» – «Те честнее. Они изгаляются так, что начинают верить сами». – «Значит, вы лгун?» – «Конечно, зачем бы я вам писал в такое позднее время». Здесь Вика поставила несколько скобок-улыбок и добавила:

– Наверное, у вас было много женщин, – решила поиграть на самолюбии творца Вика.

– Достаточно.

– Зачем мужчинам столько?

– Они ищут неповторимую.

– То есть ошибка женщины в том, что она повторяется?

– Выходит, что так.

– Мужчина ищет неповторимую, женщина – единственного. Какая несправедливость.

– Мужчина всегда хочет быть первым, женщина – последней. По-моему, все по-честному.

– Вы такую нашли? – высунуло голову женское любопытство Вики из-под одеяла, чтобы вдохнуть воздуха.

– Да. Она никогда не задавала мне лишних вопросов. Умная женщина, она знала, что у меня нет лишних ответов.

– Где же она?

– Ушла.

– Почему?

– Потому что была умная.

– И выходит, неповторимая.

– Уже вышла.

– Извините, вы не видели здесь мои грабли?

– Нет, а что?

– Увидела ваше красивое лицо, захотелось наступить.

«Мне кажется, вы забываете самое главное. Вы же замужем». – «Как же я пропустила?!)))» – «Погода портится, жизнь налаживается». – «Ночь способна наладить и не такое. Я прямо чувствую, как она налаживается!)))» – Спасибо, доктор! До скорого!!» – закрыла Вика окно, не дожидаясь сквозняка прощания, убрала ноутбук и прижалась к мужу довольная. «Общаешься с одним, спишь с другим, работаешь над собой, жизнь в формате “три дэ”, и все только для того, чтобы от нее не отстать».

«Хватит себя жалеть, оставь эту прихоть мужчинам, если ты жалуешься, значит, ты, жалеешь себя», – собрала я продукты в пакет и отошла от кассы, оставив там остатки чьей-то болтовни.

* * *

Утром Шиладан написала своим студентам, что неважно себя чувствует. Она частенько делала так, когда не было никакого желания двигаться по карьерной лестнице. Уж слишком она была длинна. Шиладан сидела дома одна, она искала себя дома одна, протирая пыль с мебели и с других деревяшек, которые боготворил ее муж. Одна из поделок упала на пол, тут же явился на помощь Джек. Он опустил нос и стал нюхать

шахматную фигурку. Облизнул и снова устался на Шилу:

«Она такое дерево. Я сделал все, что мог».

– Я знаю, – потрепала его за ухом Шила. – Мужик придет.

Мужик не пришел, но позвонил. «Приметы – они тоже модифицируются, появляются новые приложения, функции». К ее большому удивлению, это был Марс.

После нескольких восторженных эпитафий и общих фраз они смогли перейти к деталям.

– Как ты?

– В отпуск хочу. Чувствую себя разбитой. Душе моей необходимо ТэО, – поставила на место деревянную пешку Шила.

– Все хотят.

– Я особенно. Летом я сама не своя, все время ищу моря.

– Кроме этого желания есть что-нибудь новенькое?

– Ты веришь в знаки?

– ПДД?

– Да при чем здесь ПДД? В звезды ты веришь?

– Больше в мечты. Даже если они не сбываются.

– Им не обязательно сбываться, главное, чтобы они были.

– Вот именно, что были. Может, ты знаешь, куда они уходят, мечты?

– Мы уходим, мечты остаются, – почесал макушку Артур.

– Ну, так ты скажешь, что за новости. Впрочем, можешь уже не говорить.

– Затмение солнца завтра.

– Похоже, оно у тебя началось уже сегодня. Разговаривать с тобой – все равно что долго покорять по серпантину высокую гору, когда, добравшись, у самой истины лента серпантина разлетается в праздничную спираль, и ты все сводишь к шутке.

– Обычно до истины докапываются.

– Докапываться до тебя себе дороже. Я же знаю.

– Можно было бы привести в пример рудники с открытой добычей ископаемых, до золота которых можно добраться только по серпантину километровых дорог. Вообще, это арабская модель общения, круговая, когда тема начинается издалека, с окраин.

– Я знаю, английская – линейная. Русская – волнистая. Между Востоком и Западом. Есть еще и прерывистая. Не помню, чья.

– Это когда ты торопишься что-то объяснить, – улыбнулись мои глаза.

– Хватит тебе уже читать эти новости. Они тебя не покалечат.

– А как же конституция?

– Государство не женщина, оно никогда не будет тебя жалеть, щадить, греть, утешать, выходить из себя только ради того, чтобы войти в твое положение, оно и не должно, нечего на государство пенять. Не нравится – поменяй. Поменяй свой образ мыслей, Земля большая, стань человеком не отдельно взятого государства, а отдельно стоящего, цветущего,

стань человеком целого мира. Скулить, безусловно, проще, и возможно даже что-то дадут: кому однушку, кому пенсию, кому срок, все зависит от тебя. Даже если тебе кинули кость, не торопись ее грызть, в кости надо играть. Дай волю чувствам. Только в этом случае в жизни твоей будет драйв, а не потреблятельство. Государство не женщина. Женщину найти гораздо сложнее. Особенно такую, как я. Мигрируй, ищи свое место, где тебе будет комфортно гнеститься. И не скули, сведет скулы – не сможешь целоваться.

– Женщине нужен художник, который доведет ее образ до идеального.

– Хорошего художника отличает воображение, чем глубже оно будет, чем пространственнее, тем больше художника в человеке. Женщины живут образами, а не реальностью.

– Это как?

– Бывает, встретишь мужчину, вроде прекрасен, и пахнет хорошо.

– Это я-то прекрасен?

– А начнешь фантазировать, понимаешь, что с этим ничего не выйдет.

– Я уже переживать начал.

– Не переживай.

– Не... переживу, – добавил после паузы Марс.

Кто-то прятался за помадой, иные за очками, за распущенным волокном, накручивая на палец прядь собственной гривы, кто-то за декольте, куда то и дело норовил провалиться мой любопытный взгляд. Тот празднично блуждал по окрестностям поместья, которое было дано мне в пользование ровно на полтора часа. Сейчас он следил за их руками. Красные ногти – это вызов, они вызывали чувства на бой, черные выказывали превосходство, белые – безразличие, розовые жаждали прикосновений, голубые витали надо всем, над партой в том числе. Цвет неба придавал удивительную легкость пальцам, а, может быть, даже и заданию, над которым студентки работали молча. Мне только после четвертого занятия удалось запомнить имена всех. Теперь я их уже смог привязать к голосам, те тихонько звенели, как осы в гнезде, то и дело вылетая из роя, и тогда значение реплик вместе с авторством доходило и до меня. Иногда я подсказывал, умно вякал, чтобы не одичать, чтобы меня не забывали. Скоро разговоры стали громче, это означало, что публика переключилась от познавательного к личному. Сенсорные экраны начали проверять чувства тактильного.

«¿*Quién quiere empezar?*»¹ – оборвала Шила все связи, за-

¹ Кто хочет начать? (исп.)

ставив всех опустить глаза, где-то в параллельном мире, в другой аудитории, на своем уроке.

Здесь же ученица смотрела на Артура, внимательно изучая черты лица. Ах, как же ей хотелось сейчас сложить из них одну изящную линию судьбы.

– Белла, может быть, вы? – оторвал Артур ее от собственного лица, будто боялся, что эти визуальные поцелуи могут уйти слишком далеко.

– Я? – встала Белла из-за стола. – Попробую.

А в голове моей уже звучал ее тонкий голосок: «Дамы и господа, командир корабля “Сафин Марс” и экипаж, мы рады приветствовать вас на борту нашего самолета, который совершает рейс Санкт-Петербург – Барселона. Расчетное время в пути...» Ниточки ее ног были завязаны посередине в коленки, боже мой, до чего они себя доводят, эти прекрасные женщины. «Кто ей поверит, случись что, такой юной? пассажиры слишком капризный народ». Хотелось взять девочку за руку, отвести в столовую и покормить, кормить несколько дней, пока не появится румянец на щеках, а высушенные формы не нальются привлекательной влагой. Мне кажется, она была бы рада такой заботе. Она начала отвечать. Я не слушал и снова подумал о жене. Я действительно думал о ней слишком много. «О чем ты все время думаешь?» – услышал я ее утренний голос за чаем. «Я каждую вторую минуту думаю о тебе». – «А каждую первую?» – «А каждую первую жду с волнением второй». Я прошел по ее изгибам и забрался в ухо. Там было чисто и прекрасная акустика, как в консерватории. Сел в первом ряду, прямо напротив перепонки. Я сидел и слушал ее сольное выступление. «Может, выпьем сегодня?» – «А что, уже пятница?» – «Нет, но почти». В руках мял программку, которую зачем-то купил. Между актами я стал листать. «Вот тебе инструменты, вот тебе исполнители. Всего две странички», – с недоверием я разглядывал задник программки. «Вот тебе и все

твое будущее». А голос был прекрасен. Слова струились, и от этого не все в песнях было понятно. Лучше не вдаваться в текст, иначе будут возникать непонятки. «Какой божественный голос», – согласился я с эпитетом, который случайно услышал в гардеробе на выходе из уха. Я вышел на улицу, где пахло весной, меня тянуло на природу, и я решил прогуляться в парк неподалеку. Мой взгляд двинулся к разрезу ее декольте. Я шел по городу, и вдыхал ее, раннюю, свежую, капризную. Жизнь состояла из скромных речей листвы и высокопарных – прилетевших из-за границы птиц. Воздух пропитан весной, словно Франция прыснула из флакона эйфелевой высоты на родину. Но у родины был свой неувядаемый аромат, в котором терялись все остальные. На родине царил аромат одиночества. Даже в этой аудитории, среди такого количества прекрасных девушек можно было, оказывается, одичать, не имея ни одной родной души. Может, поэтому преподаватели заводят себе любимчиков? Я до сих пор не завел. Я не питал симпатии, они и не росли. В этих стенах я наслаждался одиночеством. Одиночество словно дурная привычка, стоит ему только приспособиться к окружающей среде, как оно сразу же начинает претендовать на четверг, пятницу и на все остальные будни твоей жизни.

Что он знал об этих девушках? Ничего. Что все они соответствовали основным требованиям своей романтической профессии, это – красивая девушка в возрасте от восемнадцати до двадцати семи лет, ростом от ста шестидесяти до

ста восьмидесяти сантиметров, с хорошим здоровьем.

Бортпроводница обязана разбираться в типах самолетов, должна уметь оказать медицинскую помощь и правильно вести себя в чрезвычайных ситуациях. Задачей Артура была научить этих девушек правилам эвакуации на суше или воде. При пожаре задача стюардессы – подавить панику, а потом эвакуировать пассажиров за девяносто секунд!

«Как студентки?» – получил я эсэмэску от Шилы ближе к концу занятия.

«Твоя женственность порою зашкаливает».

«Это как?»

«Я бросаю все дела, мчусь к тебе».

«Дамы и господа, наш самолет совершил посадку в Барселоне, температура воздуха плюс двадцать шесть, просим вас не ждать полной остановки самолета, не ждать, пока мы вас пригласим к выходу, а уже выходить, поскольку я дико тороплюсь на свидание с собственной женой», – посмотрел я на своих стюардесс. Кажется, они меня поняли и начали потихоньку собираться.

* * *

– Я проспала, я выспалась, я счастлива.

– Дайте женщине выспаться, и вы узнаете, как она умеет любить.

Шила рассмеялась в трубку.

– Тронуло?

– До слез. Знаешь, какие слова больше всего трогают женщину?

– Какие?

– Я хочу от тебя детей.

– Я бы хотел.

– Я знала, что неотразима. Даже мороженое тает, глядя на меня.

В ответ рассмеялся Марс.

– Кто бы сомневался. Чем занимаешься?

– Кино вижу.

– Смотришь?

– Не смотрю, но вижу.

– А что там идет?

– Не знаю. Хочешь с ним поговорить? Передаю ему трубку, – прибавила звука телевизору Шила и протянула ему трубку.

– Иногда мы с ней играли в покер на раздевание, хотя не умели. В итоге в этом страстном обнаженном азарте мы выигрывали оба, – услышал в трубку Марс.

– Слышал? – вернула она телефон своему лицу.

– Может, нам тоже сыграть?

– А мы что, по-твоему, делаем?

– Рисуем.

– Ты опасный, – вдруг ощутила она на себе прикосновения его волосатого тела так, что дрожь пробежала по полю

ее чувств, пытаюсь найти выход из западни. – В тебя можно влюбиться.

– Я чувствую, как у тебя сработала сигнализация.

– Придется по дороге домой зайти в магазин, купить шампанского, чтобы выключить... Этот день.

– Ты знаешь, что день, законченный шампанским, приравнивается к выходному?

– Только в одном случае – если завтра никуда не надо.

– А женщине все время куда-то надо.

– Значит, у тебя нет выходных?

– Выходит, так.

– Может, просто ты еще не нашла человека, который тебе их может устраивать?

* * *

Ночью не спалось, вдруг захотелось какой-то другой любви, не той, что храпела рядом, не бытовой и не возвышенной, взаимной. «Да, именно взаимной», – повернулась она на бок и посмотрела в окно, где острием проткнул темноту месяц. Весна теплилась на горизонте ранним рассветом. Она на своей гармошке играла моими гормонами. Муж не слышал этой музыки или делал вид, что глухой. Она посмотрела на его выдающийся из ночи профиль, потом потянулась и достала со столика телефон, забралась в Сеть и начала листать свои новости о тех, кто так и не обрел ночного счастья. Она сно-

ва посмотрела на мужа, тот спал, закрыв один глаз. «А что, если второй у него открыт?» Она поднялась над его лицом и заглянула на другую сторону физиономии «Нет, и второй закрыт. Какой же он скучный ночью, муж». Между тем полуночники умничали, выставляя чужие премудрые цитаты. Для полного счастья ей не хватало одного (нащупала она его страницу, но того не было в Сети), в крайнем случае двух (перешла пальцами на другую), однако случай тот был настолько крайним (не стала ничего писать), что мог не понравиться законному.

– На гранату, – протянул он мне тяжелую железку. – Отомсти за Родину, – показал он рукой в небо, где кружили, словно хищники над жертвой, истребители.

– Я не докину, – взял я холодную железяку.

– Не забудь про кольцо, – уже не слушал меня сержант. – Ты помнишь, как говорил наш генерал: в войне, как и в спорте, главное – участие.

Я посмотрел на свое обручальное кольцо, оно блеснуло бриллиантовым зрачком, словно плачущий хрусталик жены. Жenu стало жалко. Я обещал ее защищать.

Одним глазом я досматривал сон, вторым краем глаза я увидел, как поменялись цифры на экране телефона, время подмигнуло мне 06:00, оно тоже начало потихоньку продира-ть глаза. «Поднимите мне веки», – по крыше гулял ветер, словно Вий, тяжелыми шагами заставляя вздрогнуть мою ти-шину. Он бил невидимыми тумакami в стекло, иногда нава-ливался всем телом, так плотно, что в комнату проникали порывы тревоги. Стоило только включить ящик, чтобы по-нять: мир не спит, его трясет от новостей. В эти утренние часы ему было не до счастья. Для счастья миру не хватает лени. Будь мы ленивее, мы бы меньше работали или бы во-все не работали. Тем более весна, которая уже всюю жила на улице. Весна – это привлекательная девушка, у которой большие планы на лето. И то, что она согласилась выпить с вами кофе, еще не значит, что скоро вы сможете любоваться ею не только через окно. Ночью там было еще довольно мо-розно. Это немудрено. Хорошенькая женщина должна уметь кусаться, иначе за что же ее любить.

Она гладит мое лицо своей острой металлической ладо-

шкой, это похоже на ласку в период большой нелюбви. Я рискую порезаться. Время от времени возникают на коже красные извержения страсти, будто красная магма вышла на поверхность земли. Она горячая, течет не спеша. Вся моя жизнь из таких вот порезов, разделенных временами ласки и пены. Шрамы позволяют чувствовать эту жизнь ярче. Я вытираю пену полотенцем, смываю щетину с бритвы. Две пощечины одеколону себе и ему, своему гладкому эго. Хотя со щетиной ему лучше: мужество на лицо.

Я выключил свет в ванной и снова вернулся в спальню.

– Проснулась?

– Да, а тебя нет. Где ты был?

– На дискотеке.

– Что делал?

– Брился.

– Пенная вечеринка?

– Ага, – усмехнулся я ее утреннему чувству юмора.

– Не верю, дай потрогать.

– Почему женщины так любят поспорить? – спросил я жену, вспомнив вчерашнюю вечернюю прелюдию.

– Кто тебе сказал, что мы это любим? – лежала Шила безмолвно с закрытыми на ресницы глазами.

– А что вы любите? – нарисовал я улыбку на ее спящем лице и облако со следующей репликой.

– Мужчин. А спор – это форма совращения.

«Ложись, поспи еще немного»– говорила она всем сво-

им расслабленным видом. Шила спала крепко, ее не трогали мои вопросы, на которые пришлось отвечать за нее. В общем, это по-мужски, отвечать за женщин. В окне уже начинало светать. Я послушался жену, прилег рядом на спину и закрасил потолок в черный.

Утром, в суете собираясь на работу, я долго не находила себе места, потому что оно все еще оставалось в постели. Пасмурное, хмурое лицо глядело на меня из окна, будто я провинилась этой ночью и должна извиниться, чтобы настроение у его величества климата поднялось. «Ну и что, что мне приснился другой? Разве я в этом виновата? Он забрался в мой сон, в мою постель, в меня. Не могу сказать, что мне было это неприятно, скорее наоборот. В жизни я бы на такое никогда не решилась. Хотя кто его знает... Сны хороши тем, что выходят за рамки нашего быта, нашего бытия. Они позволяют нам шалить, преступать, даже убивать. Они, как компьютерная игра, из которой ты в любом случае выйдешь сухим из воды, выживешь, вырастешь. Так что нечего хмуриться, – решила Шила помыть посуду вручную. Потом сварила себе кофе, сделала несколько глотков, поставила чашку в раковину, оделась и зашла в спальню. Перед выходом разбудила мужа. Его лицо было схоже с тем, что хмурилось за окном. Он постарался улыбнуться и потянул ко мне свои сонные, с запахом тины губы. «Не оскорбляйте женщину любя, не оскорбляйте женщину вообще». Я поцеловала его в щеку.

Каждую весну она влюблялась в кого-нибудь. Чаще всего это был ее муж. Этой весной пока еще не получалось. Что-то ее тормозило.

– Закроешь сама? – снова откинулся он на кровать.

Стоило ему повернуться в профиль, и я увидела совсем другого человека.

Я провожал ее взглядом. Я не понимал себя, я не понимал ее, я не понимал: почему эти прекрасные ноги должны куда-то от меня уходить.

– Хорошо – «во сне все мы другие». Я скинула с себя жиле и оказалась на улице.

Жена ушла на прием к врачу, я лежал в кровати, переваривая странный сон. Потолок побледнел, увидев меня. Значит, уже было больше восьми. Дома стерильная тишина. Я вошел в эту тишину, как в душ. Скоро ее теплая вода мне надоела. На кухне, когда я макал сухари в кофе, я слушал радио. Там передавали новости. Оказывается, ночью был сбит самолет с пассажирами. Все они погибли.

Мир настигло политическое безумие, словно к власти пришли ревнивые женщины. Которые сами не могли объяснить, к чему они ревновали: то ли к многокомнатной сталинской квартире с высокими потолками возможностей и широкой террасой русской души, от которой им непременно хотелось что-нибудь оттяпать, то ли к партнерам, с которыми сами не торопились заняться любовью, так, встречались время от времени, не раскрывая собственных чувств, держа их

на поводке угрозы: что те в любой момент могут лишиться прогулок и корма.

Весна на улице, а настроение, как зимнее пальто, которое нужно было срочно менять, чтобы обрести легкость. Тело Шилы требовало растления. Погода была качественной. Лужайки зарастали зеленой щетиной, минеральный воздух покусывал щебетом птиц. Свежий ветер рвал с прохожих маски. Люди заново учились улыбаться и целоваться оттаявшими от зимы губами.

* * *

До сих пор он не мог понять, почему же он ее так сильно любит, что не может жить без нее; только сегодня, выйдя на улицу и вдохнув мартовского воздуха, он понял: от нее пахло весной. Это никак не зависело от ее возраста, от нее всегда будет нести весной. Даже если бы она пукнула, а это случилось только раз, все равно пахло весной. И не было в ней ни одного кусочка тела, которого бы он не любил. Он готов был целовать ее пятки, подмышки, редкие прыщики, случайно забредавшие на ее кожу, а утром – заспанные гениталии.

До развода никогда не доходило, хотя разговоры были, да что там разговоры, даже драки. Женщины любят помахать руками, а мне-то что, пусть машут, иногда я уворачивался, чаще нет, было в этом что-то садомазохическое, садово-парковое, когда наступаешь на одни и те же грабли из развле-

чения. Все заканчивалось, как обычно к утру, наступало перемирие, разводные мосты смыкались вновь, мой упрямый смычок играл на ее тонкой скрипке отрывок из балета Ромео и Джульетта. Это и было тем самым противоядием от развода. От брака до развода один шаг: то ли растяжение получишь, то ли станешь гибче. Закроешь в себе боль на замок и лыбишься, как дурак, сквозь нее, а ключ выкинешь куда подальше, чтобы не было возможности кому-либо жаловаться.

Мы балансировали на грани, как и природа, в которой успех одного человека всегда обусловлен неудачей другого. Точно так же продолжительность жизни одного старика или старухи могла послужить смертью младенца или подсознательным падением рождаемости. Город, каким бы он ни был прекрасным, тоже погружался в печаль, стоило только пойти дождю. Отсюда мои печальные мысли, скорее всего. Горизонт съел туман, я сбавил скорость. Я не видел будущего, что меня там ждет. Навстречу по противоположной полосе, выныривая из тумана, шли другие машины. Они переходили с рыси на галоп. Казалось, они возвращались. «Им не понравилось мое будущее или свое». Они возвращались в прошлое. Я пытался отвлечься. Меня это не пугало, мой железный конь медленно перебирал колесами, объятый облаком. Радио передавало новости: синдром Буша в Штатах, Украина снова становилась окраиной, новые ковровые дорожки от Оскара, тот в который раз удивил своими вкусами, я переключил на джаз. Женский голос Шаде убаюкивал меня. Рез-

ко ударил по тормозам и остановился на расстоянии одной жизни от автобуса. «Если бы она сидела рядом и пела, тогда бы еще куда ни шло». Красные фонари автобуса погасли, я разменял джаз на рок и тронулся вслед за ними.

* * *

– Весна наступила? – смотрел я улыбкой на прическу жены, которая пришла в спальню из ванной. Губы ее улыбнулись. Я продолжил: – Откуда ты знаешь о влиянии косичек на поведение мужчин в период весеннего спаривания?

– При чем здесь весна? Она мне надоела уже на восьмой день, – встала передо мной Шила.

– О, я помню этот день.

– Да-да, когда вместо тюльпанов ты притащил хризантемы.

– Кто скажет, что хризантемы – это не цветы, пусть первым бросит в меня букет невесты.

– Лови, – показала она всем видом, что бросается в мои объятия.

– Ты маленькая девочка, – протянул я руки, будто готов ловить. Но Шила осталась на месте.

– Ну, да, ей уже двадцать пять, – взяла одну из своих косичек.

– Не в этом дело, дело в том, что когда мы переходим дорогу, ты до сих пор ищешь мою руку.

– Мне постоянно нужна опора. Для счастья.

– Гениально. Может, ты знаешь, в чем состоит гений женщины? – упали мои руки обратно, бесхозно, будто обиделись.

– В умении вовремя и со вкусом перекинуть ногу на ногу.

– Я люблю тебя.

– Ну, что так по-детски.

– А как по-взрослому?

– Я хочу от тебя детей, – не верила собственным словам Шила. Будто произнесенные, они должны были вызвать в ней доверие.

* * *

Я вышел из парадной, передо мной возник проспект, заросший особняками. Рядом его жена – улица и дети, брошенные по сторонам на произвол судьбы – переулки, дворы, скверы и подворотни. Скверно на душе, на дворовых площадках тоже пусто. Все развиваются на таких, пока не дорастут до больших площадей, дворцовых, на которые можно выйти, чтобы испытать судьбу всем миром или всей войной. В песочнице скучали оставленные, словно орудия на поле боя, пластмассовые игрушки: машинки, совки, лопатки и прочая техника. В моем детстве игрушки так не оставляли, ими дорожили, хотя, как твердили вокруг тогда, мы находились в шаге от коммунизма. Когда-то и я сооружал дворцы

и замки из песка, ну, замки это громко, так как они были поставлены на поток, штамповали ведрами, переворачивая их, заполняли песочницу типовыми застройками. Что посеешь, то и пожнешь, а вот строил бы замки, глядишь, жил бы сейчас пусть не во дворце, но в частном загородном доме, как Марс. Когда-то я жил на этих детских площадках, я ползал по железобетонным зверям, я качался на качелях, качели, правда, в моей жизни остались, катаясь на них, я все больше убеждался в том, что на любых качелях хорошо кататься вдвоем. Качели тоже были пусты. Дети вышли. Без них спокойно и скучно. Они променяли песочное на жидкокристаллическое, они лезли из своего в другие красочные измерения. Они там были сильнее, быстрее, ловчее. Их привлекало могущество, которого там можно было достичь за мгновения. Здесь на это можно угробить жизнь, и не факт, что достигнешь. Да, измерение наше, увы, устарело, барахлит и покрылось плесенью. Оно антикварно, музейно, ретроградно. В бюро – бюрократы, в чувствах – чудовища, в море любви – пена, в богатстве забыли про Бога люди, люди забыли, что вдохновение – это вдох, обогащение – это Бог. Одна радость – женщины. Всякая женщина по весне, скинувшая с себя кольчугу быта и натянувшая на голые ноги легкость бытия, расценивалась мною как весна. Я выходил в них, я дышал ими, иногда солнце их улыбалось мне тоже. В ответ. Счастье мне приносила одна, но много, каждый день она приносила мне радость, полные пакеты, полные карма-

ны, полные глаза радости. Шила.

* * *

– Вы кто? – почувствовал я ее нежную руку у себя на шее.

– Весна, – ответил мне ее голос. Я смотрел на шахматы, расставленные передо мной. Я решал очередную задачку из учебника, обычная зарядка для мозгов. Шахматы служили неплохими батарейками. Как только я погружался в этот клетчатый мир, где каждая фигура сидела в своей клетке, то лучше начинал понимать ценность своей свободы.

– Если бы я ее только встретил, я бы не дал ей опомниться. Я бы забросал ее комплиментами и цветами, как могилу своего одиночества, – поймал я руку жены у себя на шее, продолжая смотреть на доску.

– Я пришла.

– Я вас сразу узнал. Позвольте представиться, я кот. Мартовский. Давайте жить слитно, – двигал я пешку то так, то этак, чтобы получить преимущество. Задаче нужен был мат в три хода.

– *He* с глаголами пишется раздельно.

– Но почему? – вернул я пешку в исходное.

– Я замужем, хотя до сих пор не могу в это поверить. Вот в чем заключается мое недоверие к тебе.

– По-моему, ты начинаешь торговаться. Но в одном ты права, всякая связь с мужчиной расценивалась как падение

прежней цены.

– И насколько мы дешевлеем?

– Ну, если машины в год теряют десять процентов своей стоимости. Думаю, так же и женщины, после каждого мужчины.

– Ты скажи, что им еще после каждого надо делать ТО.

– Лучше страховаться, тогда можно обойтись и без него.

Кухня напомнила о себе. Чайник засвистел, будто судья, который, увидев нарушение правил, решил остановить мою игру... Я посмотрел на жену: «Выключишь?» «Сам ставил, сам выключай», – увидел я в ее глазах. Тогда я отодвинул шахматы в сторону и скоро оказался на кухне. Выключил плиту и взял чайник за ручку, он начал жаловаться, всхлипывая эмоциями, словно малыш, которого не брали в игру взрослые. Я ополоснул кипятком заварочный чайник, бросил туда чай и пару листочков мяты. Залил фарфор до краев и накрыл крышкой.

– Вот настырная, не хотела брать трубку, я же сказала старосте, что болею, – не хотела оставаться одна в комнате жена и пришла через пару минут ко мне.

– Я думал, тебя любовник домогается, – разлил я чай по чашкам.

– Ты что, тогда я бы сразу ответила. А эта дозвонилась, с пятой попытки. Как я ее узнаю, эту студентку?

– Может, дать тебе плакат?

– Тогда они точно поверят, что я на больничном.

– А зачем она тебе, эта студентка?

– Зачет поставить.

– А, ну тогда она сама тебя узнает, даже не сомневайся, – снова улыбнулся я ее косичкам.

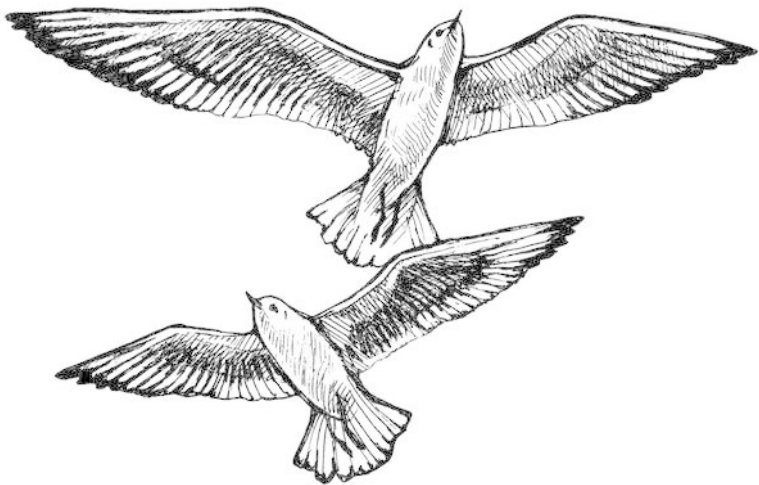
«А я все время сомневаюсь. Даже не знаю, почему. Как-то все хлипко, будто не мое, будто живу не своей жизнью, а моя где-то там впереди, счастливая, полная, с румянцем», – взяла в руки чашку Шила, абсолютно не отдавая себе в этом отчета, пригубила, обожглась и выругалась.

* * *

– Что ты все время строишь из себя?

– Не знаю. Хотела бы виллу, на самом деле как была пристройкой к тебе, так и осталась.

– Тебе не нравится наш очаг? – отвернулся я от Шилы к окну. «Дом будто проблема, как стоял, так и стоит, глобальный, а ты, каким бы ты ни был свободным, должен в нем жить. Преувеличиваешь, стоит только взглянуть в окно, в принципе, окно и есть увеличительное стекло. Ты разглядишь медленно молекулы погоды, механизмы машин, микросхемы людей и их микрочипы – детей. Ты видишь в окне то, что никогда не смог бы увидеть без его лупы. Ночью окно увеличивает Луну. Днем – Солнце».

– Нагулялся?

Я оторвался от окна и посмотрел на жену:

– Ага. Захотелось развеяться.

– Как там?

– Питер любит делиться впечатлениями.

Разговаривая со мной, Шила присматривала за собой в зеркало. «Чем больше одиночества в душе, тем чаще женщина смотрится в зеркало. Оно, в принципе тоже окно, которое преувеличивает эго. Я увидел в отражении лицо жены, будто фото в альбоме, который листало само время. Время тычется пальцами стрелок в фото и смеется над теми, что были совсем другими. Молодыми. Я вроде как оставался им.

Мне так казалось все время, всем так кажется, и Шиле сейчас, наверное, тоже».

– Ну сколько можно зеркалу показывать свое лицо. Что ты там ищешь?

– Свою привлекательность. Но, к сожалению, люди не молодеют, тем более женщины.

– Перестань торговаться. Еще как молодеют, особенно весной.

– Да, но комплименты все дороже.

– Бери мои, они дешевле.

– Твои я уже знаю, свеженького ничего нет?

– Дай мне подумать.

– Мне некогда.

– Что за спешка?

– Если честно, я хочу совратить тебя.

– Каким образом?

– Своим, – села мне на колени Шила, и я почувствовал тепло ее ляжек своими бедрами. Будто солнце вошло над последними, и скоро растение рванет кверху, к этому самому солнцу, сильное, твердое и проникновенное.

На кухне царила духовка, в которой испекли что-то очень интимное: Шила сидела на моих ногах ко мне спиной, я держался за ее грудь. Голова Шилы лежала на моем плече, я целовал ее шею сквозь длинные, потные от волнения и страсти волосы, которые текли словно из душа широкой шелковой струей на наши тела: «Будь я вампиром, прокусил бы и вы-

пил всю ее любовь без остатка. Но я не вампир, я муж. Я не что иное, как свойство порочного круга жизни».

* * *

В понедельник решила начать новую жизнь с пробежки. Когда будильник мне перезвонил во второй раз, я повернулась на бок, посмотрела на своего мужчину, он крепко спал. Мне тоже не хотелось вставать. Чтобы хоть как-то успокоить совесть, я начала бегать глазами по контуру его профиля. Мужественный ландшафт говорил о том, что жизнь его не была сахаром. Со мной-то, конечно. Всегда было тяжело с женщинами, которых кто-то оставил в неопределенности. У них сердца закрыты. А всему виной верность, когда она еще преобразуется в недоверие. Стоило ли так рано просыпаться, чтобы думать о нем. О том, след которого исчез черт знает когда. Точнее, след остался, много следов, будто топтался намеренно. Исчезло тело.

А тут еще внутренний голос: «Мне кажется, ты придаешь понедельнику слишком большое внимание. Он, как всякий тонкий психолог, отлично этим пользуется. А между тем ведь можно на него просто забить: не пойти на работу, отключить телефон и спать, пока не наступят лучшие времена: не восемь утра, как сейчас, а двенадцать, мне кажется, двенадцать – отличное время для первого завтрака».

А рано утром, когда в ее теле был самый сон, я просыпал-

ся и трепал ей в уши всякую ерунду: «Ты мой розовый какишок». Она смеялась: «Что, что ты сказал?» – «Я еще ничего не сказал, а тебе уже смешно». – «Как ты меня назвал?» – «Розовый какишок». – «Я думала, петушок», – снова засмеялась она сладко и сонно. «Не, какишок, когда ты смеешься, ты так сопишь, будто заводишь двигатель своих крыльев, я про ноздри». – «Ты про мой нос? Не нравится – не смотри». – «Какишкам нельзя волноваться, им надо спать». – «Опять будешь изменять мне с кофе». – «Да, ты спи», – целовал я и мямл ее груди. Потом, понимая, что мне уже не уснуть, встал и шел к кофе.

«Взрослый, мужественный, как он может нести такую приторную чушь? Неужели он не понимает, что мне не нужны пряники, что мне скорее не хватает хорошего крепкого неожиданного кнута».

Зашел в ванную, принял душ и вновь вернулся в спальню за телефоном. Увидев жену, сладко спящую под одеялом, решил одолжить у нее немного тепла. Нырнул под одеяло к ней.

- Мне нравится вкус твоей кожи. Слышишь?
- Нет, но чувствую. Что-то напоминает?
- Что жизнь прекрасна.
- Знаешь, я хотела сегодня сходить на зарядку.
- Чего не пошла?
- Все из-за тебя. Стала рассматривать тебя.
- То-то меня мучили кошмары. Неужели я настолько хо-

рош?

- Нет, оказалось, что нет.
- Ну так беги, чего лежишь?
- Ага, скоро уже на работу.
- Завтра попробуешь еще?
- Нет, такие дела надо начинать в понедельник.
- Я понял, значит никогда.
- Никогда не говори «никогда», это мое слово.
- Мы что, уже делим имущество??

Он был недоволен, что я не откликнулась на его ласки. Сам дурак, раньше надо было действовать. Как можно было быть таким бесчувственным. Я же его чувствую. Даже сейчас. Я чувствовала по интонации, когда он был мною недоволен. В такие моменты даже имя мое звучало из его уст с маленькой буквы.

– Как там с погодой? – не обращала я внимание на его капризы. «Да и о каком сексе может идти речь, если через час я уже должна буду давиться в метро. Вот где настоящий утренний коитус».

- Погода ужасна.
- Сделай же что-нибудь.
- А что я могу сделать?
- Хотя бы чай.

В голове шумело море, оно билось о камень. Камнем служила скала, с края которой мы падали взглядом вниз, в голубую пропасть, дно ее сверлил маленький кораблик. Он шел своим курсом, оставляя подобно реактивному самолету на глазах исчезающий след. Мы стояли с Шилой на обрыве земли, здесь последняя когда-то оборвалась. Осторожно ногой я столкнул небольшой камешек вниз, тот провалился в воздушную яму вниз, пару раз он зацепил край скалы и скоро пропал из виду. Мысленно мы представили себя тем самым камнем, пытаюсь пережить чувства летящего в бездну чело- века. Потом резко проснулись, это был сон, это был кошмар, крепче схватились за перила, отделявшие нас от пропасти.

– Пропать, – выдохнула Шила.

– Один шаг – и она станет глаголом.

– Ты про пропасть?

– Про пасть.

– Да. Красивая пасть. – Пережив легкий мандраж, Шила обхватила меня всем своим существом.

Когда мы сели в машину и отъехали, скала еще долго желтела египетской пирамидой в зеркале заднего вида, словно курган из песка к самому солнцу.

– Чем ее сюда занесло? – все еще любовалась на пейзаж Шила.

– Кого? – спросил я.

– Скалу!

– Временем...

Будто песок из песочных часов сыпался именно в это место долго и расточительно, и никто их не удосужился перевернуть, как того полицейского, что лежал сейчас на асфальте, когда машина вздрогнула, переехав последнего, потом остановилась перед пешеходом. Того тоже заносило временем. Он был по колено в шортах, по локти в футболке, видимо, шел с пробежки. «От времени не убежишь». Человек все еще махал руками, пытаясь показать всем, что он идет с разминки, что он занимается спортом, может быть, именно сегодня он начал новую жизнь. Выглядело нелепо, потому что человек был растерян, рассеян. «Часто люди рассеяны оттого, что просто вырваны из контекста своей целой жизни, как целого текста, в котором они занимали место абзаца или даже эпиграфа, что, словно метеоритом, оставили шрам на чьей-то биографии, а может, занимали место главы района, которую выбрали буквы анонимным голосованием на тайном вечере ада. И как таким людям теперь найти себя в этой библиотеке, где никто не читает, если не положить за это оклада? Разве что перейти дорогу кому-то»? Сзади мне уже сигналили. Мужчина рассеянный давно уже рассеялся. Я выжал сцепление, которое соединило меня снова с этим миром, переключился на первую и нажал на педаль газа. Лицо его мне показалось знакомым, а еще больше тело. Вол-

ной времени меня снова бросило на берег моря. Я вспомнил гражданина, которого однажды изучал на пляже от нечего делать. Тот мог обгореть или уже, несмотря на то, что у него на лопатках шерсть или пух. Видимо, остались от крыльев. Крыльев уже давно не было, только пузо, а над ним шерстяная грудь, не шерсть, а золотое руно. Я долго наблюдал за ним, он меня интересовал как персонаж. Даже женщины в сравнении с ним не вызывали такого внимания. Жена попросила натереть ее кремом. Пока я занимался спиной, я забыл про него. Потом, когда полез в воду смыть масло с рук, видел, как тот натянул на себя шорты цветом в точности как у этого пешехода. Спектакль закончился, можно было открывать пиво, чтобы не заскучать снова. «Что, шорты понравились? – за мной наблюдала жена. – Когда тебе кажется, что ты за кем-то наблюдаешь, ты сам находишься под присмотром». – «Да, симпатичные». – «Шорты придумали лентяи, те, кто не хотел стирать целые штаны», – перевернулась она на спину и закрыла глаза, так мне показалось, что она их закрыла, несмотря на то что была в очках. «Сколько времени?» – спросила она меня. – «Какая разница? Отдыхай. Забудь про стрелки, забудь про дни недели». – «Только я и одна звезда». Я встал и двинулся было к морю, чтобы окунуться. Но песок уже накалился. Значит, было уже около часа. Что, у времени на курорте аллергия на стрелки и песок оно нанесло для того, чтобы легче было ходить самому? Время ходило под себя песком. Горячим песком. Я надел тапки и пошел по

времени, которое веками намывало сюда Средиземное море.

* * *

Авто давало мне право на скорость и самоопределение, право на труд и на отдых, авто, по сути, – это доспехи, которые служили как средством защиты от внешнего мира, так и от атаки на время и пространство. Шила поняла это, как только поменяла метро на свое личное. Она завела свой личный автомобиль. Завела еще час назад, теперь же припарковала рядом с университетом. Вышла из машины, посмотрела вокруг, пикнула сигнализацией, еще раз поймала блеск лакировки кузова и двинулась довольная и самодостаточная к дверям альма матер.

Войдя в универ, она вспомнила, что собиралась заскочить в учебный отдел, заполнить какие-то бумажки. Кабинет был маленький и душный. Три стола, три шкафа, три компьютера, сотрудника тоже три. Три лампы дневного света. В потолке тоже дневная сплошная мерцающей лампы. Двойной тухлый свет синтетикой выедал глаза. Лампа жужжала, словно там улей пчел, что вырабатывали вместо меда ватты.

Внутри пахло бюрократизмом и стоял деловой толк одного из сотрудников канцелярии. Тот говорил в нос. Хочешь нагнать значимости – говори в нос. Это он усвоил четко и даже научился слегка картавить, пытаясь приблизить себя отчасти к Земле обетованной. С умным видом он объяснял ка-

кой-то женщине правила игры, как надо заполнять анкету на конкурс преподавателя, который был чистой фикцией и проводился каждый год. Шила знала, это была профессор с ее кафедры, но здесь под прицелом чиновника из отдела кадров она вела себя словно девушка, пришедшая на экзамен. Скоро она выйдет из кабинета и, не доходя до кафедры, снова обрастет регалиями и степенями, словно неприступный непотопляемый риф – ракушками и мидиями за годы непрерывной работы в своей стихии. Шиле ни в коем случае не хотелось стать такой. Она даже отказалась от кандидатской, которую ей так навязывало руководство. Шила понимала, что это дорога в один конец. По миру она полетала благодаря мужу, который часто брал ее с собой на борт очень личной пассажиркой. Сейчас у нее были задачи и поважнее, нужно было родить, чтобы потом проводить время в кругу своей семьи, чем в замкнутом кругу бесконечных статей, конференций, кандидатских максимумов и минимумов, абсолютно никому не нужных, в особенности ей. Это была проформа, которой многие из ее коллег прикрывали отсутствие формы, будь то физическая или духовная. Шила старалась держать себя в форме. Она как будто ненадолго очнулась от ментального сна. Снова услышала мужской голос, а глаза ее нашли на столе тарелку с конфетами, судя по тому, что их было много, это были леденцы. Будто решив удостовериться, Шила взяла одну конфету, развернула. Там лежал сладкий кусочек янтаря. Она не любила леденцов, именно поэтому сунула янтарь

себе в рот и стала гонять его внутри языком. Вкус был сливочный и липкий. Она незаметно снова вернулась в мыслях к мужу, который в последнее время увлекся сладким. «Ему не хватает любви, но не моей, а неба. Еще бы, его, молодого безупречного штурмана, лишили неба, словно Родины. Это то же самое, что оставить хакера без Интернета», – скрутила она в жирную точку зеленый фантик и положила обратно в тарелку. Жена чувствовала, как муж мается, пребывая в роли препода, не в своей тарелке. Она снова уставилась в фарфоровую тарелку и вдруг увидела, как ее любимого мужа уносят в летающей тарелке зеленые человечки черт знает куда. Артур грустно махал ей рукой до тех пор, пока не скрылся. Шила вернулась к леденцу, который уже стал совсем маленьким, разгрызла его и проснулась окончательно.

Рядом, за другим столом, сидела девушка, она влюбленно смотрела в комп. По ее складке на лбу было видно, что внутри шел нелегкий мыслительный процесс, женщинам свойственно преувеличивать. Увидь она эту морщину, может быть, разлюбила бы враз свою работу. «Елена, вы подготовили документы, что я просил?» – «Да, Анатолий Степанович», – соблюдали служебную дистанцию оба. Когда она говорила, челюсть Елены выдвигалась, словно ящик комода, в котором аккуратно были уложены чистенькие и отглаженные слова и фразы. Правда, ящик задвигался не до конца. Возможно, это было сделано для вентиляции, но в этом был какой-то шарм, недосказанность.

Еще дальше, в глубине помещения за другим рабочим местом занималась своим заусенцем еще одна сотрудница отдела. Голова ее была пуста, как и день. Не у кого было даже спросить «Где все?». Весна пришла, но страсти не было, ни к своему, ни к незнакомцам. Хотелось поехать на теплое море, уткнуться в песок и лежать, пока та не появится неожиданно и не возьмет меня силой.

Пиджак сидел на ней, словно на стуле, и раскачивался. Он, как и тело, на котором первый жил с восьми до семнадцати, состоял из клеток. Клетки крупные, коричневые, в таких можно было бы содержать хищников в цирке, но они были пусты. Прическа, как арабская вязь, из которой связали гнездо с розой внутри, жившей на гидропонике мыслей.

Взгляд мой снова переключился на первый... пиджак... на мужчине вспотел и сросся с телом. Бабочка присосалась к его двойному подбородку, будто это был двойной виски, которого ей не хватало для храбрости, чтобы полететь. Мужчина с щетиной, усами и бородкой за квадратным, синим, словно бассейн, полный воды, столом. Служащий был похож на моржа, на которого перед выступлением натянули пиджак. Он вытащил папку толщиной с хороший роман. «Вы что у нас преподаете?» – «Итальянский». Это был нехороший роман, вообще не роман, бумажки, знали бы они, что я вообще итальянский начала изучать вместе со студентами. Я, правда, знала еще шведский, но универу нужен был препод по итальянскому, а мне нужна была работа, я ее получила. Ита-

льянский после шведского показался легким приятным десертом. Шила не сомневалась в том, что именно авантюризм привлекал мужчин к ее персоне. На чем попался и Артур. Однако она была из той редкой породы авантюристок, что доводили свои планы до конца. Итальянский язык она выучила, не особо напрягаясь, за полгода.

«Вы знаете, Анатолий Степанович, поймали того маньяка, что охотился за женщинами», – вдруг выдвинулся ящик комода. «Да», – подумала я, глядя на пингвина, теперь он был похож не на моржа, а на пингвина, потому что он стянул с себя пиджак и остался в рубашке с жилеткой. «Или в дельфинарии уже начали другой номер с пингвинами. Он смог бы сам быть им вполне, насильником, пингвин-насильник. Может, он и есть такой же. – Катастрофически он мне не нравился. – Вот он идет по безликим улицам и собирает непослушных женщин. Такие чаще всего попадают в приключения. На вид приличный пингвин. И вот его уже судят, он сидит за решеткой, ноги в тазике, от сухости в горле». «За что вы их так? – спросил судья. «Я их любил, я слишком сильно их любил». – «Вы знаете, все они родили по пингвину, все его жертвы». Тюленя оправдали и отпустили обратно в бассейн.

– У вас была практика в Швеции, в Умео? – разбудил меня пингвин. Человек был настолько толст, что казалось, если к нему прикоснуться, останутся жирные следы на руке. Он был похож на борца сумо, родившегося в пиджаке, или даже

рыцаря, залитого в доспехи, который вместо копья держал шариковую ручку и постоянно норовил тебя уколоть.

– Да.

– Сколько времени?

– Два.

– Ну, и как?

– Без Умео лучше.

– Да-да, безумный город, – пошутил пингвин. «Навешаешь на человека ярлыков, а у него, оказывается, есть чувство юмора». Я перевела взгляд на девушку в дальнем углу. Перевод был не очень, сух и скуп на взаимность, из тех, что не будешь долго читать. Но я искала отдушины. Она была мне необходима в этом канцелярском вакууме. «Вроде бы симпатичная баба. Только куда канула радость жизни? Куда девалась эта капризная дева? Она пропала, как будто я играл с ней в прятки, то я прятался от нее, то она, мы находили друг друга все реже, а прятались все изощренней, используя для этого не только подходящие предметы, но и подходящих к нам людей. Неужели она спряталась так, что я ее окончательно потерял. Я очень хочу найти тебя снова», – вспомнила Шила последний разговор по душам с мужем.

«Что вы на меня так уставились», – бросила та свой заусенец. Меня разглядывали очки, словно далекого космического корабля бинокль. В очках жили глаза, которые следили за происходящим, они тут же доложили центральной нервной системе, что видят меня, что я женщина, а значит, не

представляю большого интереса, выше среднего роста, что на мне приличный пиджак и часы, сейчас ведется их ярлыколизация. Мой взгляд въехал в ее глаза, словно в тоннель. Там было холодно.

«Да, ничего. Вы здесь самая красивая просто. А этот пингвин мне не нужен», – окинула я взглядом остальных членов ее коллектива, бросив всю эту сравнительную характеристику к ее ногам. Девушка поправила юбку.

«Думаете, мне здесь нравится?» – потрогала она свою прическу, будто на ней держалась корона мисс канцелярии.

«Не думаю».

«А вот я думаю часто. Но пока ничего подходящего не нашла».

«У тебя есть мечта?» – перешла я мысленно на ты и переместилась на свободный стул рядом с ее столом.

«Замуж хочу», – еще раз она поправила корону.

«Ну разве это мечта?»

«Смотря за кого».

– Вот, все готово вроде бы, – оторвал меня от виртуального диалога пингвин и дал расписаться в какой-то из бумажек.

– Спасибо, – поставила я ему автограф и встала. – До свидания, – посмотрела я на мисс.

– До свидания, – махнул мне крылом пингвин. Она улыбнулась, я вышла. «Вот радость снова пришла ко мне. Я чувствую ее устойчивый пульс». Словно стартанувшая со светофора, я поспешила на свою пару, обгоняя попутный транс-

порт. Пусть даже учебный отдел украл у занятия уже пятнадцать минут, торопиться не было никакой нужды. Римская империя не простила бы спешки своему императору.

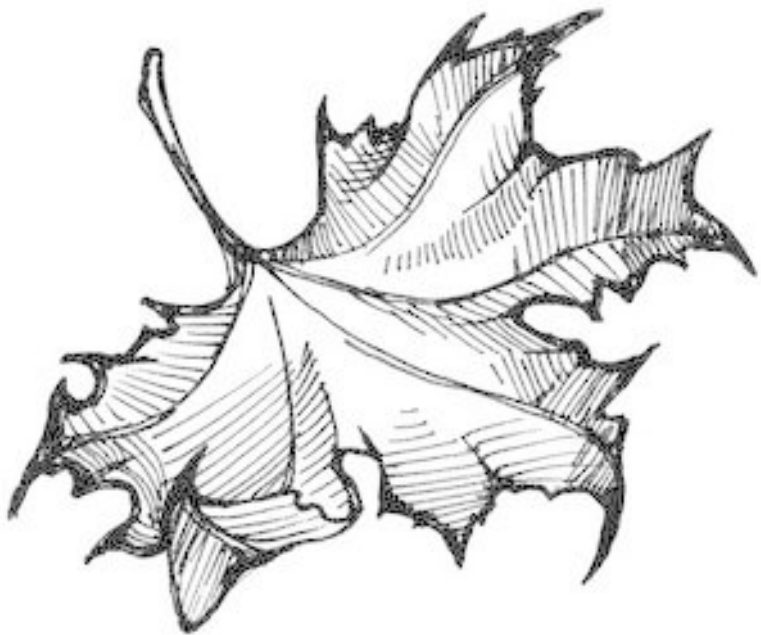
* * *

Я открываю глаза. Утро. Жены и след простыл. Джек в подтверждение чихнул. «Будь здоров? Ты не простыл, я надеюсь, след моей жены». Когда она оказывалась дома, пес не отставал ни на шаг от нее. Остальные следы, два тапка смотрели друг на друга с высоты паркета.

Несколько раньше она нащупала рукой свой телефон и написала студентам, что итальянского сегодня не будет. Приболела. Те вроде бы даже обрадовались. Я знала, чем могу их порадовать. Иногда и они радовали меня так же, сообщая, что у них семинар, или просто-напросто нет желающих сегодня спрягать глаголы сложного прошедшего времени, так как жить всем хотелось проще и в будущем. Несмотря на разинутую свободу, Ши́ла ушла из дома вовремя.

Простые вещи радовали нас, простые эсэмэски. Мы пропитались недостатками друг друга, мы провоняли тем хорошим, что имели. Иногда мы просыпались и менялись взглядами, только для того, чтобы сохранить мир и спокойствие дня, мы вставляли в глазницы мировоззрение, она себе – мое, я – ее. Она смотрела на мир моими глазами, я – ее, я ее не видел, я смотрел на себя ее глазами. Эта игра забавляла,

но была небезопасной, потому что, как и всякая игра, пахла своими правилами, своими обязанностями. Для того чтобы радоваться, совсем не обязательно было заводить детей, кошек и прочих хомячков. Обязательства шли вразрез любым радостям. С детьми пока не получалось, но собаку все же завели. Пес носился, как на моторчике, то и дело проветривая, когда требовалось, застоявшиеся отношения. Застои случались, как пустая порода в золотиносной жиле. Ее надо пройти, эту рутину, перетерпеть, дальше снова золото.

В жизни мне везло на Свет, с остальными складывалось сложнее, Шила была единственной, но света ей хватало. Я шел рядом с ней по освещенной дороге, несмотря на то, что иногда эта лампочка могла превратиться в матовую, стоило ее только накалить. Мрак затягивал наше все. Некоторые люди пахнут драмой, трагедией даже. Им свойственно преувеличивать со знаком минус. К таким относилась и она. Жена моя – сама трагедия. Она драматизировала по любому поводу, особенно в том, что касалось ее внешности: то волосы поредели, то задница плоская, то грудь уменьшилась, то вообще фигура никуда не годится и нужна другая. Срочно. Как правило, это длилось недолго, если я не брался ее утешать. Утешения затягивали ход болезни. На них можно было еще похандрить, похныкать, пока есть жилетка. А как тут не расчувствоваться, когда твой родной человек страдает. При чем страдает сам от себя. Я не мог пройти рядом, лучшим лекарством был секс. Он лишний раз доказывает женщине, что она желанна, пусть даже и собственным мужем. Женщины становятся безумными, стоит им только влюбиться, они глупеют, едва ты начнешь их понимать.

Где-то за стеной грянуло утро, занавес света и актеры выползают из своих ночных укрытий, вялые трупы одной большой труппы, именуемой человечеством. Спектакль идет нон-стоп, вот уже несколько тысячелетий. Благодарным зрителям надоедает порой. Его осветительство солнце ходит

по кругу, будто на прогулке в камере. Узник, оно работает без выходных, впрочем, бывает порой в запое, когда хлещет дождь, а потом хворает под одеялом нирваны. Что касается Питера, то солнце может пролежать там целый месяц в облаках, абсолютно не отдавая отчета в том, что люди внизу слабы, беззащитны, они хотят видеть его, они скучают, они в унынии. Но сегодня все было иначе, все пело, все вертелось. Звуки улицы были звонкими и четкими. Апрель встал на март, словно на стол поставили стул, чтобы вкрутить более яркую лампочку. Сегодня лампочка была что надо. В голове моей еще играло вчерашнее Бордо и Стинг. Я шел, пока солнце бросало косые взгляды на землю. Хотело обжечь человечество. Оно рассматривало его под углом своего зрения сквозь вырез в стене. Занавеска окна меня спасала. Я открыл холодильник, словно Первый закон Ньютона, взял яблоко и закрыл. Если говорить о силе притяжения, то этот айсберг притягивал любого, оказавшегося на кухне. С аппетитом или нет, это не имело значения. Это был один из тех физических законов, нарушить который не было никакой возможности. Я снова открыл его.

Скоро яичница шкворчала на сковороде, словно мнувшаяся в руках амальгама фольги. Я выбросил в ведро обертку от плитки, шоколад весело плавился у меня во рту. Зубы и десны с удовольствием боролись со сладкой тягучей манной. Конечно, надо было начать с яйца, но я, не сдержавшись, сунул себе в рот остаток плитки шоколада. «Киндер-сюрприз».

Я снял с плиты накалившуюся сковороду, вернул яйца холодильнику. Жарить яичницу передумал. Желание перебил шоколад. Заварил чай. «Есть хочешь? – вздохнул я шоколадом на собаку. – Чего спрашивать, конечно, хочешь», – взял я упаковку его хлопьев и засыпал в кормушку. Джек подошел, понюхал и начал закусывать еду краем рта, будто извиняясь за то, что причиняет ей боль. Затем он отбросил комплексы и стал жевать уверенно, жмурясь от удовольствия при каждом смыкании челюстей.

* * *

Бар служил броском через стеклянные Альпы бокалов на Запад, переходом из совкового состояния в демократическое общество, пусть даже и подшофе... Кружки на столах, будто стеклянные трубы на фабрике хмеля, дымят медленно пеной, которая трескается миллионами пузырьков, будто кто-то забрался в ее целлофановую середину и сидит там и лопает их со страшной скоростью пальцами, нажимая на подушечки. Но звук этот тонет в гуле. Стая гудящая мужчин, опустив свои хоботки, они сосут пиво из кегов, они редуцируют его в свое торжество духа. Для кого-то процесс адаптации занимает одну кружку, кому-то необходимо две. Так или иначе, все приходят к одному знаменателю. Я тоже подошел к стойке.

Стул, пропивший спинку, покорно принял мой зад, я до-

стал из кармана все ту же биржу, но ее теперь не хватает даже на кружку пива, жажда сильнее меня, я, словно путник в пустыне с караваном золота, готов поменять его в огранке верблюда на глоток воды. Потом я вытянул еще две купюры, достал и поставил на кон: «Ставлю на Гиннесс». «В первом заезде Гиннесс?» – не понял меня бармен. «Да», – кивнул я ему. Бармен был высокий и черный, афроамериканец русского изготовления, сгреб все три биржи и поставил передо мной пепельницу. «Твое дело табак», – подумал я за него. Он улыбнулся белым забором зубов, стал вытягивать из кра- на темную жирную нить и топить ею в бокале бесшабашные пузырьки. Казалось, бармен пытался что-то сплести из этого волокна. Было в нем нечто дьявольское. Пузырьки весело всплывали и быстро гребли к берегу. Их счастье было в том, что они умели плавать. Некоторые лопались раньше. Я взял кружку и вдохнул их дух, потом глотнул пива и улыбнулся белой эмали бармена. Я заказал кольца кальмаров и хлебцы с чесноком и отошел от стойки, подняв перед собой ледяной бокал, будто нес в руке свое холодное сердце. Сел подальше от экрана, где суетился футбол. Рядом англичане метали дротики и дифтонги. Они громко комментировали после каждого броска, после трех неспешным ирландским произношением несли свои тела к мишени снимать урожай стрел. Как и в жизни, здесь важно было не просто попасть в яблочко, надо было, чтобы это яблочко принесло как можно больше очков. Попадешь не в свое яблочко, и пиши пропало.

Партия проиграна. «Будь они циничнее, могли бы метать в экран, по которому бегали футболисты, все же хоть какое-то разнообразие, глядишь, и игра оживилась бы», – ухмыльнулся я про себя после второй кружки пива. Алкоголь делал мой мозг более развязанным, он ломал рамки, стереотипы, законы.

В кармане завибрировала жена. Вместе с ней завибрировал весь бар: наши забили гол.

– Плохо слышно, хочешь, я тебе перезвоню! – кричал я ей в трубку.

– Давай.

– Завтра, в это же время.

– Шуточки твои меня не возбуждают.

– А что тебя возбуждает?

- Это сложный вопрос. Точнее сказать, он легкий, когда ты в контексте.
- В постели?
- Да при чем здесь постель? Я же говорю, что ты не в контексте. Чтобы возбуждаться, мне постель не нужна.
- Сейчас я почувствую себя ущербным.

– Подожди, я тебе перезвоню, – засмеялась она и добавила: – Один-один.

Я с удивлением обнаружил, как легко Шила угадала счет, потому что глаза мои зацепились за две единицы на экране, словно две штанги одних ворот. «Женщины, конечно, не умнее нас, но зато у них есть интуиция, которой они, словно хвостом, запросто могут отбросить все наши умозаключения».

– Кем ты себя возомнила?

– Женщиной.

– Нет, ты не женщина, ты биологически активная добавка, БАД, без которой жизнь пуста.

– А ты как БДСМ.

– То есть я уже в контексте?

– Да-да, ты в деле. Приезжай, если сможешь.

– А если не смогу?

– Считай, что девушка ошиблась номером.

– Что за номера?

– Люкс, как всегда. В отеле.

– Ты про какой отель? А? – уткнулся я было мысленно с балкона в море. Купаться не хотелось, тем более в воспоминаниях. Связь тоже не хотела развивать эту тему, оборвалась, и я не услышал, что за новый номер выкинула Шила. Я перезвонил, не из любопытства, просто поставить точку.

– Так на чем мы остановились?

– Иногда я вполне себе счастлива, вот сейчас, например,

сiju дома, пью вино, и очень счастлива. А знаешь, почему?

– Потому что я тебе позвонил?

– Потому что пью.

– Здесь ни черта не слышно.

– Я слышу, у тебя там весело, – уже обида вырывалась из динамика. – Ты скоро?

– Как только закончится. – Снова завибрировал бар, на этот раз, правда, гол не засчитали. Некоторые заказали себе еще по пиву, кто – фисташек, чтобы загрызть досаду. – Ты чем занимаешься?

– А как ты думаешь, чем может заниматься женщина около двадцати четырех?

– С ужасом ждет, что скоро ее карета должна превратиться в тыкву, тувелька в инфузорию, платье в халат, а принца все нет.

– Я не про время, я про возраст.

– Не вижу разницы. Я раньше как-то не думал, что тебе уже полночь лет.

– А теперь и вовсе нет смысла. Между нами все. И не вздумай приезжать ко мне. Слышишь?

– Очень плохо.

– Думаешь, мне хорошо?

– Очень плохо слышно.

– Ладно, во сколько ты будешь?

– Скоро.

– Обещай мне не врать.

– Хорошо. Обещай не спрашивать.

Артур сделал еще глоток и, не дожидаясь конца матча, оставил трибуны, что заворуженно гоняли глазами на чужом газоне мяч. «Надо ехать, чтобы не попасть в грозу». Никто, кроме бармена не заметил, что я ушел из команды. Он дежурно улыбнулся мне вслед: «Незаменимых нет, но есть запасные».

* * *

На небе пробка из облаков, оно затянуто, будто не небо, а вещмешок, в который сложили город. Уже несколько дней, как зима перелила Неву в стеклянный графин. Холодный пронзающий ветер заставляет многих ненавидеть свою работу и сильнее любить дом. Чувства тоже придерживаются баланса. Дома тепло, дома сон, дома чай. Чай пить одному не хотелось. Хочешь узнать, как человек действительно относится к тебе, разбуди его. Я начал обнимать жену. Она не реагировала, тело ее спало в обнимку с душой. Я быстро сдался и оставил свои ласки, откинул одеяло, сел на кровать, пытаясь попасть ногами в тапочки. Когда я встал, чтобы выйти из комнаты, дверь скрипнула голосом жены:

– Не выходи из комнаты. Надень трусы.

– А кто там?

– Бродский, шутка. Просто не хочу, чтобы ты уходил. Не выходи из спальни... и я останусь.

– Ты определись, кого больше любишь, Бродского или меня.

– Прямо сейчас? Для этого тогда мне как минимум придется проснуться и выйти из комнаты.

– А как максимум?

– Вернуться с кофе.

– Так вот о чем было стихотворение?

– Мне кажется, там речь шла не о двери, а об окне.

– Не выходи через окно, разбудишь город, – улыбнулся я строфой. – Я чай сварю. Хочешь?

– Все-таки ты хочешь выйти?

– Ради тебя. Так ты будешь чай или нет?

– Я не знаю.

– Чего не знаешь? – нашел я под одеялом ее пятки и стал щекотать.

– Зачем люди лезут в горы? – сквозь смех процедила Шила.

– Чтобы посмотреть на себя сверху. К чему это ты?

– Горы снились, – поджала под себя ноги жена так, чтобы я их не достал.

– Может, в прошлой жизни ты была альпинисткой, – все еще рыскали мои руки под одеялом в поисках ее щиколоток.

– Скалолазкой, скорее.

– Не вижу разницы, – не находили мои ладони ничего, кроме пустоты.

– Не мудрено. Ты вообще женщин не замечаешь, – смея-

лась Шила.

– После того, как женился.

– Ладно, неси чай. Только черный.

– С чабрецом?

– С бергамотом.

– Бергамот мне все время напоминает бегемота или по крайней мере его родственника.

– Бергамо – это город в Италии.

– Ну, давай, расскажи мне еще, что там жил Труфальдино, что слуга был смышленным малым, что служил сразу двух господам.

* * *

– Уважаемые дамы и господа, просьба не волноваться, наш самолет совершит вынужденную посадку в одном из живописнейших уголков Германии, в долине реки Рейн. Мальчики – налево, девочки – направо.

Все почувствовали внутри себя, что самолет продолжал снижаться. Самые отчаянные улыбнулись шутке пилота. Другие беспокойно забегали глазами.

– Что это?

– Где? – посмотрела на меня сквозь очки жена. Позже она вставит линзы, и это будет уже совсем другая женщина. А сейчас она смотрела на меня как студентка, случайно забравшаяся ко мне в постель.

– У тебя все колени в книгах. Что читаешь?

«Знаешь, чего мне стоило сказать ему: «Уходи, я тебя не люблю»? Это как вырезать часть себя, как аборт сделать самой себе», – процитировала мне жена... Она вспомнила про синяк на коленке, который появился недавно. Синяк был знатный, с небольшую тучку на небе кожи. «Вот так вот ходишь-родишь по жизни, получаешь тумаки неизвестно где, от кого, бьешься, пока не прибьет к какому-нибудь острову, который по ошибке сначала примешь за материк». Шила прикрыла синяк своим смущением, а потом одеялом.

– А позитивнее ничего нет? – поставил я поднос с чашками на постель прямо перед Шилой.

– «Море ей снилось так часто, что даже ее карие глаза начали менять цвет», – перевернула страницу Шила.

* * *

«Дворник, – слышала Шила сквозь сон, как скреблась в углу зимы лопата. – Он убирает пыль, зимнюю пыль с дорог, которая за ночь упала с неба. Значит, в комнате, как бы она ни была мала, тоже есть небо... За ночь я тоже, наверное, покрываюсь пылью, иногда я ее даже чувствую, когда встаю ни свет ни заря, чтобы смыть холодной водой в ванной над раковиной, повесив свое лицо на зеркало. Потом убираю пыль щеткой с зубов. Потом вытираю лицо полотенцем. Это и есть влажная уборка. – Она посмотрела на телефон, тот вот-вот

должен был запищать. – Надо сделать уборку, надо».

Жена вошла в фазу Луны. Три-пять дней передышки в постели, чтобы соскучиться как следует. «Каждый день вместе, как такое возможно? Какое издевательство над личностью. Даже когда ей хочется побыть наедине». В каждом браке есть свои лишние детали. Делать в постели абсолютно нечего, кроме как спать. Кровать, похожая на кладовую, в которой мы держим на привязи из простыней свою любовь. Дикую, кусачую, капризную, взаимную. Жена у меня качественная, это вам не китайская подделка, не то, что сейчас предлагают, не то, чем сейчас забиты улицы, кафе, кинотеатры, ширпотреб, моя жена – настоящая русская женщина.

Артур лежал на спине и смотрел в потолок. «Кажется, выспался».

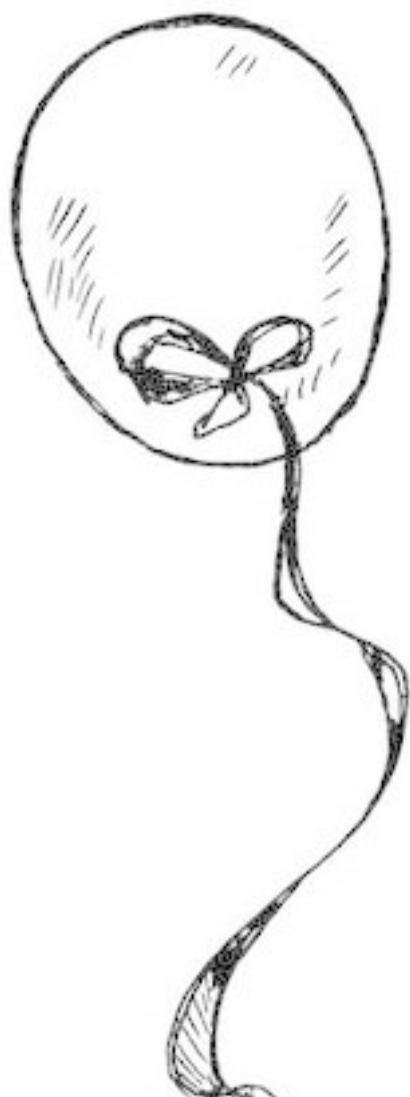
«Шила, конечно, не то, что Тельма. Она была крайне терпелива и материлась только в крайних случаях. От радости». – Марс уткнулся взглядом в вельветовый горизонт, что клубился утренней дымкой по всему горизонту. Самолет расщеплял носом редкие волокна облаков, которые попадались в воздухе. Он вспомнил свою первую дикую любовь, как кисть ее дымила сигаретой, когда мы делали кофе-брейк после первого раунда, после первой пары в университете... постели. Когда губы наши боролись с молчанием. Мы пытались шутить: «Скучно тебе со мной? Что ты зеваешь». – «Не, просто хочется целоваться». Конечно, она была старше, конечно, ей было любопытно, но неинтересно со мной, пото-

му что я ветрен, как питерская погода, и ей нужна была не просто карта звездного неба с теплыми циклонами, а точный прогноз по всему фронту. Ей нужна была определенность. «Я тебе надоел?» – «Ну как тебе объяснить. Я тебя объелась и больше не хочу». Мы смеялись, мы издевались друг над другом, мы болтали за жизнь, она не любила болтать, у нее не было такой дурацкой привычки, она оставила эту прихоть людям. Жизнь была выше всей этой словесной чешуи. Конкретней. Мы же рады стараться за чью-то общую жизнь, совсем не ту, которую мы проживаем, совсем не ту, что бессонит наши ночи, что беспокоит дни, это называется болтать ни о чем. Пальцы, словно губы, зажимали сигареты. Их поза – выражение скуки. Было впечатление, что именно руки ведут беседу. Они-то поднимались, то опускались на два тона ниже, унося за собой и плечи. Им было сподручней вести бесполезную беседу, сколько было уже сделано впустую этими самыми руками. Сколько еще будет. Марс курил свое, Шила – свое за несколько тысяч километров от него. Между парами, между этажами она курила и смотрела на стену, вымазанную голубым. Мысли Шилы тоже были выкрашены в голубой, а может быть, они со стеной думали об одном. Вслед за непонятными расплывчатыми думами приходил Яков, он всегда приходил позже, он пытал студентов до последнего. Я протягивала ему сигарету вместо руки в знак приветствия. Он улыбался. «Что за манеры?» «Я собираюсь с тобой дружить». «Зачем этот вялый секс. Я же жид», – смеялся он

бесстрастно, потом брал сигарету, прикуривал. Марс упрямо искал потерянную мысль, чтобы снова переключить канал на Тельму. «Тельма, Тельма, где твоя Луиза?» Луизой звали дочь Тельмы. «В садике она, что ты спрашиваешь? Не знаешь разве, где мы отучаем от себя своих детей». – «Садик, сколько садизма в этом слове, вы не находите?» «Сейчас садика днем с огнем, я полгода потеряла, чтобы в него попасть», – заметила Тельма. «Женщинам всегда кажется, что они теряют время, неважно даже где: на работе, в постели с мужем или не с мужем, на кухне, но они его теряют, даже на курорте, если отдых затянулся более чем на десять дней. Оттого многие из вас ходят потерянными». «Слышь, ты, ты не обобщай, – затушила свой хабарик о зажигалку Тельма. – Вот будут у тебя дети, тогда и будешь рассуждать о потерянном времени».

«Зачем мне дети, я сам ребенок, – улыбался Яков Шиле. – Мне с мамой хорошо». «А я вот свою давно не видела, надо бы навестить», – подумала она про себя... и про свою мать. – Тебе уже скоро тридцать пять, а ты все с мамой. Женился бы, чего ты тянешь». «Еще не созрел, да и с женщинами, как с садиками, встречался с одной целых полгода, а она мне так и не дала». Тельма засмеялась: «Я даже знаю, что рассказывает она, та женщина: “Встречалась с одним, а он даже не смог меня поиметь ни разу”». «Не смейся, это было не главное». – «А что главное?» – «Главное, чтобы мы были одной веры, я хочу сказать – верили в одну цель». – «Давай только

сегодня без Торы». — «Хорошо, тогда скажи мне, что является главным в знакомстве для женщины». — «Для нее главное вовремя и со вкусом перекинуть ногу, когда она сидит перед тобой».

«Опять ты о своем, и это все? – снова достал пачку сигарет Марс, словно магазин боеприпасов, где еще оставались патроны. – Неужели тебе тоже нужна пресловутая уверенность в завтрашнем дне?» – предложил Тельме. Та взяла. «Чем короче юбка, тем она уверенней», – тянулась Тельма, когда я поднес огонь к ее сигаретке.

«Как это у тебя так ловко получается?» – улыбнулся Яков. «Так же, как и перекинуть ногу на ногу», – сделала рокировку ногам Шила, поменяв опорную, затянулась и манерно выпустила дым вверх. «Краткость – сестра таланта», – затушил о пепельницу на подоконнике свой окуроч Яков. «Именно». – «Но мне не нужна сестра таланта, с талантливыми сложно, мне нужна кроткость. На самом деле я жду того момента, когда начнут говорить, что мать живет со мной, а не я с ней».

День вытянулся, словно школьник за лето. Марс разбавил кровь стаканом чая. Душа словно вернулась только что на Родину, перелетев обратно Атлантику. Она уже хотела обратно в гнездо, она уже искала себе подобную родную, и этот поиск был бы проще, не включись в него любовь к прекрасным формам. «Недаром в детстве таскали нас по обнаженным богиням. Они, как правило, принадлежат другим, в природе все поделено: кто отдыхает умом, кто телом, не обязательно своим, кто дома, кто у моря, кому приятна душа, кому не менее приятна натура. Все художники пока ее,

богиню, в воображении рисуют, но на деле хотели бы натуралистами», – усмехнулся Марс, вспомнив журнал «Юный натуралист», который ему в школьные годы выписывали родители. Самолет заходил на посадку в Мюнхене.

– Командир (К): Сколько нам осталось до аэропорта в минутах?

– Диспетчер (Д): Чем быстрее будете лететь, тем быстрее будете здесь.

– К: Каков наш порядок следования?

– Д: Определяя порядок, я не расслышал ваш позывной, и пока я буду выяснять его, вы будете последним, безусловно.

– К: Вот спасибо, и так на футбол опаздываю.

– Д: А кто играет?

– К: Наши с вашими.

– Д: Ваши забили пятнадцать минут назад.

– К: Теперь понимаю, почему меня последним поставили.

Диспетчер засмеялся.

– К: Значит, мне заходить на посадку по большому?

– Д: G576, разрешаю по малому, двести. Нашел для вас зазор.

– К: Да, я уже настроился. Разрешите сходить по большому?

– Д: Нет, идите по малому.

– К: Я уже ходил по малому, можно теперь по большому?

– Д: G576!!!!!! Только по малому!!!! Запрещаю по большому!!! Повторите, как поняли!!!!

– К: 498 понял, еще раз по малому... – снял наушники и громко рассмеялся Марс.

* * *

Город снова ушел в купюру в пятьдесят рублей, он в синеве тумана. Смотрю на биржу как на полтинник, что-то здесь не так. Инфляция, биржи нет давно, как и денег в казне, пропито все, разграблено, там военный музей, тематика старых побед очень выгодна на фоне того, что полтинник приравнивается к бутылке пива. Безумие – любить эту страну, но я люблю так, как она меня никогда не сможет.

Я канаю каналом дальше, к анналам, к зданию, откуда начался город, через темный вонючий проход со сточной канавой, сухие окна офисов и контор. Все выкрашено Достоевским. Такое может достать любого. Канавка. Бедная, бедная Лиза. Спас бы я ее? Приспичь ей тонуть сегодня. Вода холодная ухмыляется моему благородству. Не знаю. Если бы смог перебороть в себе чувство такта. Его во мне слишком. Здесь не видь, там промолчи, где-то будь, где-то – мягким, развивай свою гибкость. Отсюда и перегибы.

Навстречу женщина, с корзиной, будто там выстиранное в канавке белье. Глаза ее, как опустевшие окна отеля, из которых душа уже съехала, и теперь там надо сделать уборку и закрыть, вдруг вернется или кто-то другой захочет снять номер. В корзине грибы. «Откуда здесь подосиновики? С оси-

нами в городе было туго. Хотя у Бродского росла под окном, а жил он в центре». Я представил, как он выходил по утрам собрать урожай для той, которую любил сильно. В архиве моем опять всплыло утро и жена со своей любовью к поэзии. «Не выходи из города».

Из окна на меня падает взгляд. Точнее – его осколки. Он еще раньше разбит на множество прекрасных зданий. Он теряется, пытаюсь ухватиться за барокко, он повис на балясине, ангелы смотрят на него, купидоны смеются. Он ищет спасения во мне. Все органы чувств напоказ: уши торчком, нос, как у ястреба, глаза навывкате. Жить с таким лицом надо было набраться смелости. Уродство и сексуальность – хорошее соседство, всегда можно постучаться в стенку второй: хватит уже, я хочу спать, но не знаю, кто на это решиться. «Бедная, бедная Лиза. Я тебя спасу». – Отбросив всякое чувство такта, я тоже пялюсь в ответ. Но скоро силуэт исчезает, только волна тюля, словно белое пенящееся кружевами море поглощает видение. Окно опустело, будто глаз покинул зрачок... «Действительно, отель», – приблизившись к зданию, прочел на табличке парадного входа.

Иду дальше. Мне уже почти тридцать, а я все еще не знаю, нужен я кому-нибудь или нет. Нужен я жене или нет, вот она мне очень нужна была... есть, будет. Сейчас, по крайней мере. Было такое ощущение, будто я лез через забор и зацепился за гвоздь штаниной, так и повис одной ногой на земле.

Я понимаю, как ей было не полюбить такого уроды, как я. И вот уже суббота тащила нас за руку через весь город, через бары, улицы, площади, набережные, к воскресению. Будет воскресенье, мы воскреснем вновь, вместо кофе хлебнув не из чашечки, а прямо из банки, рассолу. Сушит? Да... И меня. Пить надо меньше. Я старался ради тебя. Я хотел, чтобы ты выглядела сегодня лучше.

«Я без ног». – «Как? Мне они так нравились». Шила засмеялась. Мы ложились уставшие прямо на белеющие простыни рассвета. Чтобы там расщепить на атомы наши оставшиеся чувства. Мои пальцы, танцуя, снимали бюстгальтер, как проститутку на красивом бульваре ее вечернего тела. Это была настоящая химическая реакция, в результате выпадал осадком оргазм. Лицо ее, в отличие от моего, было правильное, словно сонет. Я возвращался к нему снова и снова: кольцевая рифма. Я возвращался к ней снова и снова, это было похоже на вечную прогулку по садовому кольцу, она заблудила меня в своем роскошном саду...

– В твоём саду все время весна.

– Кончай паясничать, – установила свое сакраментальное Шила, возведя на постамент несусветной глупости. – Время никого не жалеет. Жалеть не перспективно.

Я сел в свою миниатюрную квартирку и поехал на работу. На дороге штормило утренней нервозностью. Мой корабль болтало в потоке машин, невзирая на заторы, он упорно шел к цели, шел по волнам радио. Я слушал, как сердобольные водители звонили в студию рассказать о пробках на дорогах. Оказалось, все гораздо корыстней, чем я думал, каждый из них мечтал сорвать куш – бак бензина. Я избавился от корысти и переключил. Здесь надо было продолжить стишок: «Вы бывали когда-нибудь в комнате смеха, вот где...»

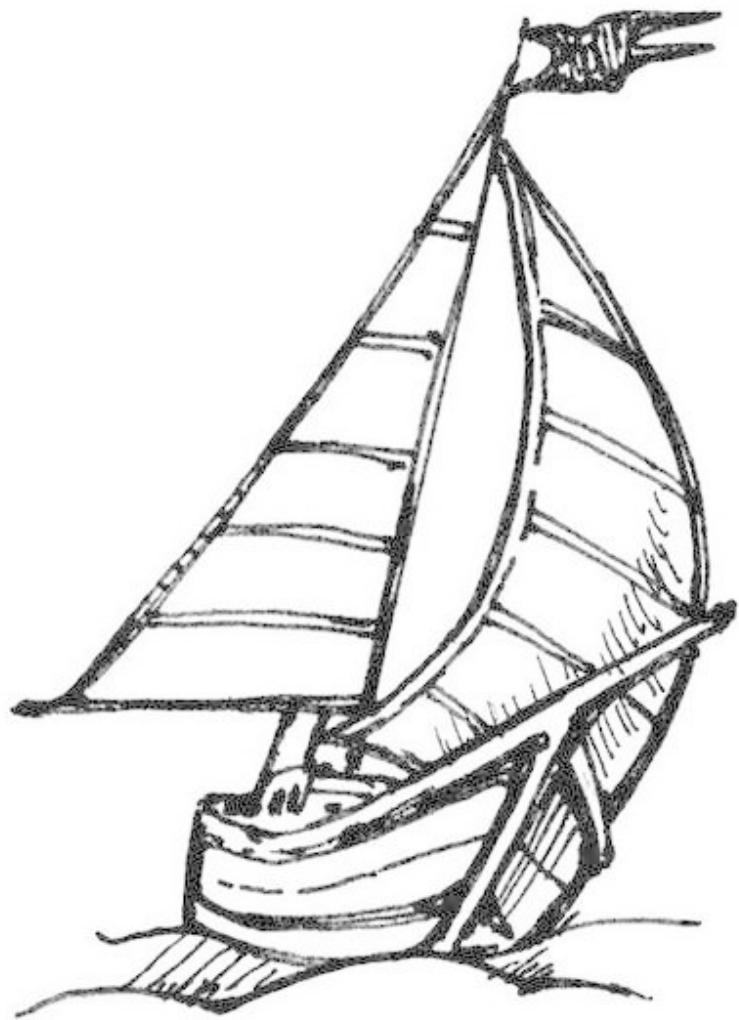
– А вот еще один интересный, – докладывал диджей, – вы бывали когда-нибудь в женщине, вот где доброе, теплое, вечное.

Вы бывали когда-нибудь в вытрезвителе, хотя бы зрителем.

Вы бывали когда-нибудь в стриптиз-клубе, вот где рискуют жо... выручку чувствуют.

«Ну, эта грязновата». «Хотя не лишена правды», – рассуждали ведущие меж собой.

Вы бывали когда-нибудь счастливы, нет, а жаль, я бы на вашем месте участвовал.

Уши погрязли в децибелах высоких голосов ведущих. Даже глаза заложило. По радио передавали классику. Я сомневался между Чайковским и Прокофьевым. Словно я был на кухне и выбирал из двух напитков. И не найдя точный ответ, перекладывал ответственность на жену, «Чай или кофе?» Жены рядом не было. Были пассажиры, которые вышли из трамвая и переходили передо мною дорогу. Приятно было наблюдать, как в солнцем залитом городе, сквозь серый асфальт, словно весенние цветы, прорастали женственность и мужество. Они росли навстречу друг другу. Наконец пешеходы кончились. Я включил первую и отпустил сцепление. Впереди меня ехала зеленая машина цвета сочной травы, по форме напоминающая земноводное, на стекло был приклеен каблук и во всю панораму телефон с объявлением: «Ищу мужчину, который ищет меня». Я приблизился к лягушке вплотную. Стоило только нажать на ее антикрыло на багажнике, и она прыгнет сразу через несколько машин, вспомнил я бумажных лягушек, которых складывали из бумаги в детстве. Я, правда, склонен был только к самолетостроению, у меня даже кораблики не получились. «А если поцеловать, то может превратиться в прекрасную Василису, или Свету, или Олю, в Шилу вряд ли, кишка тонка, у этой не хватит силенок, лошадиных», – мелькнуло у меня в голове, когда я уже обгонял зеленое чудо, за рулем которого сидела милая девушка, настолько милая, что любому захотелось бы отстать,

чтобы записать телефон.

* * *

Сестра удивляла своими успехами после того, как развелась. Развод словно сжег в ней последнюю ступень, как у ракеты, придав ей космическое ускорение, и вывел на другую орбиту самостоятельной независимой жизни. Тина, так звали сестру, она сменила работу, потом основала свою, на которую она ходила по настроению. Словно настроение это было широким освещенным проспектом. Она наняла еще несколько талантливых и способных ребят, готовых гореть за свое дело так же ярко.

В лесу пустынно, только дятел стучал в барабан да ветер дул в дудук. Я смотрел в экран телевизора.

Крик ястреба, считавшего цыплят, считавшего, что здесь все его: и это небо, и остальная дичь, рука, которая его кормила, с которой он как с Байконура стартовал, как на орбиту, да и владелец той руки, он тоже был его. Пусть даже это не рука была, а ветка, а хозяин – дерево. Он быстро ушел в верховье голубого озера, на рыбалку, ловить на свой крючок того, кто клюнет. Нос был что надо.

Я снова вернулся к мысли о сестре. Почему-то вспомнил, как знакомые во всех нюансах рассказывали, как делали стерилизацию кошке. Сестра же мне ничего не сказала, две операции подряд и ни слова. Только улыбается тихо, будто все

хорошо, а у самой такая неуверенность в глазах. «Начинаешь думать за мужика – теряешь женственность». Выйди замуж и будь счастлива! А если не поможет, то разведись, снова почувствуешь себя счастливой. Конечно, такие женщины однолюбки, они всю жизнь будут любить тех, кто их бросил. Ведь им нужна была хоть какая-нибудь любовь, чтобы подняться. Я видел женщин, от которых ушли мужчины. Ни одна из них от этого не потеряла. Хотя муж ее пытался вернуться. Да только зачем нужен уже ей был такой, пастеризованный:

– Я тебе надоел?

– Ну как тебе объяснить. Я тебя объелась и больше не хочу.

«Конечно, она хотела. Она все еще любила его, но гордость, ее-то куда отселишь».

* * *

Со стены меня накрывало картой мира, словно это и было одеялом на ночь. Карта мира темнела раскрытой пастью. Мир норовил проглотить меня, пережевать, словно кит планктон, усвоить и систематизировать на элементы. Мне не хотелось быть просто пищей, средством, но больше всего мне не хотелось быть посредственностью, как бы та ни втягивала в свою среду.

Сегодня был странный день, я встретил трех знакомых, и все они были рыжими, не то чтобы им не везло в жизни,

просто волосы их цвели по своим законам, больше всего меня порадовал первый из них – солнце. Он преследовал меня целый день, а потом ему надоело. Сегодня лил дождь. Я наблюдал, как тот полз по окну, словно прозрачный червь, то уползая куда-то под раму, то вновь появляясь из-под нее.

Студентки сидели молча, девочки смотрели на меня, будто сейчас я должен был взлететь к звездам, чтобы потом совершить плавную посадку с грузом гуманитарных знаний в их юные головы, забитые совсем другим любовным хламом. Головы были прекрасны на первый взгляд, на 2-й я чувствовал себя в театре Кабуки. Грим скрыл все эмоции, что там под ним? Мало кто знал, что там под защитным слоем стратосферы томилась мимика. Которая получила пожизненное за свою сухость, сидя в жирной маске, она вспоминала свою молодость, что ей еще оставалось. Вечером приходили руки и выручали ее на волю, потом массаж, снова маска, уже увлажняющая. Снова ночь, и так до бесконечности.

На занятия я брал с собой чай в термосе, это меня грело, не жена, конечно, но все же. Пока я заваривал себе чай, в голове моей все еще сидел вчерашний итальянец, про которого вечером рассказывала Шила: «Представляешь, завалился к нам в университет посреди занятия. Ярый поклонник Достоевского, этого ему вполне хватило, чтобы заправить себя высокой идеей и доехать до Питера на вело. Он доехал на велосипеде от Рима до Университетской набережной Санкт-Петербурга».

– Достоевский велик, – сказал итальянец, лицо его треснуло улыбкой, и из нее посыпались ровные белые зубы. – Мне очень хотелось пройтись по улицам города, где он жил. Вы счастливы, вы можете дышать воздухом того же неба, которым дышал он.

– Он так и сказал? «Дышал небом».

– Да.

– Красиво чешет этот итальянец, может, это сам Данте?

– Не похож.

– Глядя на вдохновенного нашим писателем велогонщика, захотелось перечитать Достоевского. Может, тоже на что-нибудь сподвигнет. Или взять и перечитать того же Данте и посмотреть, захочется ли сесть в седло и на двух колесах рвануть во Флоренцию, – вставил свою реплику в рассказ жены Артур.

– Правда, потом итальянца начал охватывать голод. Чем больше он смотрел на красивых русских девушек, тем радостнее понимал, что приехал сюда не зря. После расставания образ человека стирается постепенно, здесь ситуация была обратная: после встречи с нашими красавицами их образы стали проявляться в его взгляде все ярче и ярче. Ему захотелось в их тепло, в их уют. Он преданно, словно преданный дворовый *canè italiano*, побитый невзгодами и утомленный дорогой, смотрел на наших студенток. *Canè* – это пес по-итальянски, – пояснила Шила.

– Я знаю. Канары отсюда.

– Но никто из них не был готов скоротать с ним этот вечер. Пришлось взять удар гостеприимства на себя. Я покормила нашего гонщика в студенческом кафе. Пицца пошла на «ура», потом устроила его в общежитии для иностранных студентов. Всю дорогу он не переставал цитировать великого классика и извиняться за свой придорожный вид. Спросил, почему девушки в России такие холодные.

– Наши филологические девы только с виду свободные и открытые, а копнешь чуть глубже, внутри каждой свой драмтеатр. Обратно уже захочется не на велике, а на самолете ноги уносить. А ты ему что ответила?

– Да нет, не холодные, просто весна была поздняя.

– Смеялся?

– Постоянно. И больше не закрывал. Как открыл передо мной буфет с прекрасным итальянским фарфором, так больше и не закрывал.

– Значит, симпатичный?

– Да ничего себе Челентано.

– Может, он еще и поет?

– Я сразу дала ему понять, что замужем и кофе не будет.

– Верность, как же я ее люблю, твою верность, иногда даже больше, чем тебя.

* * *

Иногда я завтракал один. Жена еще обнималась с Морфе-

ем, придавленная им, я молча ревновал на кухне и переваривал, помешивая ложкой кофе, что тоже не хотел из турки подниматься. Наслаждаясь медленным рассветом, я понимал, что женщине необходимо больше спать, чтоб выглядеть красивой. Воскресенье – один из тех редких дней, когда не обязательно воскресать к девяти утра, можно к обеду.

– Он тебя просто-напросто покупает.

– Ценит.

«Ценность будет падать, как только купит, как у машины, примерно на десять процентов в год», – подумал я про себя, упираясь в картинку телевизора.

– Красавица. В этот момент «красавица» из его уст звучало для нее как «уродина».

– Не надо меня строить, я уже построена.

– Чего ты хочешь?

– Быть счастливой.

– Выйди замуж и будь счастлива! А если не поможет, то разведись, снова почувствуешь себя счастливой.

Он не любил ее, он понятия не имел, что это такое, а может быть, просто гениально играл роль человека, не способ-

ного на любовь. Я не знал этого актера, мне хотелось верить ему. Его партнерша играла хуже, возможно, накануне она поссорилась со своим настоящим, и текст их спора отличался от текста сценария.

Жизнь наша была то театром абсурда, где сурдопереводчиками были гениталии, то театром влюбленных теней, где от счастья я становился ее тенью, она – моей. Я помешал кофе и облизнул ложку. Положил ее на стол, капля напитка ушла в скатерть. «Без жены можно делать все что угодно. Будь здесь она, я бы получил уже замечание, но что еще хуже, я бы так не сделал, предвидя опасность».

– Ты спишь уже?

– А ты как думаешь?

– Я не думаю, я звоню.

– Герой. Как мне любить тебя?

– Да какое это имеет значение. Главное, меня, детка.

– Я прошу тебя об одном – не называй меня деткой.

– Хорошо, крошка.

– Ты неисправим.

– Какая шикарная у тебя душа! Чувствую себя в ней, как в теплой постели.

– Как же ты мне надоел. Посмотри, на кого мы стали похожи.

– На кого?

– Друг на друга.

– Ты лучше.

– Я буду лучше, но мне нужно страну с любопытным солнцем, которое будет постоянно подглядывать за мной.

«У нее, конечно же, были свои тараканы в голове. Однако уничтожить их значило потерять свою привлекательность».

– Знаешь, что самое ценное? С тобой мне всегда хотелось быть женщиной.

– То есть?

– Ты всегда понимал, когда мне хотелось. «Он всегда был моим датчиком, который определял степень шизофрении общества и меня в целом, – закрепляла свои слова мысленно Шила. – Если мне за него становилось неудобно, значит, я была таким же, как и все, равнодушным, закрытым, убогим членом этого самого общества, неспособным идти к другим измерениям, кроме веса, роста и счета в банке». Больше всего ее беспокоило, что она, независимая и самодостаточная, была к нему равнодушна, понятия не имея, каким асфальтом можно было устранить эти неровности души.

– Конечно, все время быть придавленным впечатлением от твоей груди.

– Ты хоть когда-нибудь можешь быть серьезным?

– С тобой нет, не могу. Твой воинственный дух меня веселит.

Он шептал ей что-то на ухо, словно в микрофон, а она только улыбалась тихо, словно замороженная публика.

– Давно ко мне не подходили так близко.

– Поэтому я подъехал.

– Наехал.

– Я не настолько жесток. У меня шипы. Хотя женщины так и норовят под колеса. Вчера встретилась одна.

– И что?

– Хочу жениться.

– А что за спешка?

– Боюсь передумать.

– А ты не бойся.

– А я уже боюсь, потому что ты все принимаешь превратно, особенно если я начинаю на эту тему шутить.

– Значит, не смешно.

– Я боюсь тебе что-то говорить про других женщин.

– Короче.

– Короче, вчера чуть не наехал на одну. Она в наушниках, дальше телефона не видит и не слышит.

– Наличие жаркого солнца при полном отсутствии личной жизни.

– Я так и подумал.

– Думать надо меньше.

– То есть давить? Я не настолько жесток. У меня же шипы.

– А ты до сих пор не переобулся? Уже лето скоро.

– Думаешь, снега больше не будет?

– Мужчины тоже безумны по весне или это единичный случай?

– У мужчин есть тормоза. А вот у вас – нет. Что ты скажешь о безумии женщин в разгар весны?

– Каждой крыше свой навигатор.

* * *

Живые розы в горшке, которые подарил ей Артур, быстро отцвели. «Почему же недолги некоторые любви», – подумала про себя Шила. Она обрезала ветки, надеясь, что кустик разродится вновь через некоторое время, так и случилось. У одной из веток появился бутон, который медленно рос, пока не взорвался одной долгожданной красотой, одним бархатым чувством прекрасного. Шила внимательно любовалась цветком, даже подумывая пересадить его в горшок побольше.

* * *

– Вчера ходила в бар. Хотела разменять одиночество на мужчину.

– Ну и как?

– Нет у них.

– В пятницу надо было идти, чего ты в среду решила? Или тебе нужен был посредник?

– В посреднике не нуждаюсь, субботник не помешал бы.

– У меня в квартире тоже бардак, – соврала Шила, озираясь на чистоту и порядок своей квартиры. Звонила ее подру-

га Джульетта.

– Зато у тебя в голове порядок. Тебе не надо ходить с объявлением на лбу: «Меняю однокомнатное одиночество со всеми удобствами на кусок пляжа с женщиной. Меняю одиночество на мужчину или отдам в добрые руки свое одиночество»...

– А ты пиши честнее: «Меняю одиночество на кофе, кофе на мужчину. Коньяк не предлагать, уже был. В противном случае напьюсь». Из серии: если в баре нет приличных мужчин, продолжай потягивать мартини, приличные мужчины – они появятся.

– Ну прямо про меня. Меня тут как раз пригласил один выпить вина. Я отказалась.

– Не понравился?

– Мне хотелось начать красиво, с кофе. Я подумала, что не могу с незнакомым мужчиной сразу вино. Кофе не способно говорить, но познакомить может, а винище сразу потащит сама знаешь куда.

– Знаю. Шампанское знакомит на раз, вино – на раз-два, водка – на троих, кофе – на всю жизнь.

– Вот-вот, домой шла пешком. Иду по Дворцовому, остановилась, смотрю вниз, там холодная бездна, будто под мостом протекает сама фригидность. Думаю, прыгнуть, что ли.

Шила задумалась, убрав телефон от уха. С ней тоже такое случилось, но лет ей тогда было восемнадцать, а не двадцать восемь, и это не было похоже на бегство от одиночества, ско-

рее – от безответной любви.

На шее ноци болтался полумесяц. Ночь приняла ислам. Она смотрела то на воду, то вода на нее, то на Шилу, для девушки все тоже было одного цвета, абсолютно все, даже дома, даже люди, даже мысли. Все рано и поздно переживают периоды мостовых. На мосту, как на грани между жизнью и смертью, на перемычке, между двумя этими берегами, такими разными, если мыслить в частном порядке и такими одинаковыми, если разглядывать картинку, а скорее даже фотографию, фрагмент из жизни, вставленный в альбом Вселенной, в портфолио планетарного масштаба. И это уже не Инстаграм, уже Инстатонна незапечатленных моментов, тем самым более ценных.

– Я тебе дам прыгнуть. Нева-то в чем виновата? – очнулась она и отпрянула от собственности.

– Я тоже решила не загрязнять.

– Короче, заходи после работы, разделю твое одиночество.

– Ты знаешь, что такое мимикрия?

– Умение приспособливаться.

– Ты приспособилась к своему одиночеству?

– И похоже, скоро начну получать удовольствие. Это меня за прошлые грехи наказывают.

– Да какие у тебя грехи. Дура. Лучше скажи мне... – пыталась переключить подругу на другую тему Алиса и не находила ее.

– Что сказать? Эй, ты там не уснула?

– ...С чем у тебя ассоциируется весна?

– Ну, с чем. Белые ночи, влюбленность, дача, рассада,

– Понятно, каждый сезон на те же грабли. Воскресенье выдалось скучным, она стояла у окна и слушала, как на деревьях лопаются почки. У девушки был абсолютный слух, когда она ждала его звонка.

– Любовь, ревность одиночество, любовь, ревность, одиночество. Ты права, каждый год одни и те же грядки.

– Никогда никого не ревнуй, это делает тебя уязвимой.

– Я понимаю, у язвы свои взгляды на внутренний мир.

– Да, береги свой желудок. Все язвы и гастриты от этого.

– Сыра хочется, а он в мышеловке.

– Почему сыр в мышеловке?

– Ой, дорого. Ты сама знаешь.

* * *

– Что показывают? – сел я на колени к жене и обнял ее шею. В руке ее вместо пульта была телефонная трубка, которая все еще хранила тепло состоявшегося разговора.

– А, ерунда всякая. Ты как так незаметно пробрался.

– Интересно?

– Тяжеловато.

– Ты про меня или про фильм?

– Про обоих.

– А что за кино?

– «Ничего нового». Он смотрел на нее так долго, так испытующе, что бедняжка успела за это время влюбиться, остыть и даже возненавидеть.

– Счастье слишком быстро входит в привычку, войдет, покрутит своим розовым хвостом, а тот возьми и отвались. Придeldывай его обратно, не придeldывай – все б/у.

– Счастье – это когда нигде не болит и во всем прет.

– Ну мало ли у кого что не прет. Это житейское. По виду он уже не мальчик, я бы сказал дед. Откуда взялась ненависть? – всматривался Артур в старика на экране.

– От его бессилия. Он несчастен. Половое бессилие губит в нем все мужское.

– Я же говорю, что все дело в хвосте.

– Он, как баба, закатывает скандалы, пытаюсь всю вину сложить на нее, на свою женщину. Самый простой способ для этого – ревность.

– Я вижу. Утро застало его врасплох... в одних трусах, – снова посмотрел я на экран и намеренно сполз по ногам Шилы на пол.

– Я вот все думаю, если к твоим ногам падает мужчина, это сила земного притяжения или неземного обаяния?

– Это от голода. Что у нас на ужин?

– Коньяк. Я уже начала его есть.

– Проблемы?

– Апатия.

– Еще бы, такие фильмы смотреть – нахватаешься всякой вирусни, – дотянулся я до пульта, который лежал на диване, и вырубил старика. – И хватит уже париться по мелочам!

– Это все, что ты мне можешь сказать?

– Нет, это все, что ты должна научиться делать. – Я смотрел на небо.

* * *

Прошло еще несколько часов, за которые мы успели приготовить еду, я занимался мясом, Шила – салатом, выпить по бокалу красного, поговорить о том о сем, поужинать, сложить посуду в раковину, просмотреть в Инете личное, разобрать постель, снова включить и выключить телевизор.

– Хочу в Италию.

– У меня есть для тебя сюрприз.

– На море поедем?

– С чего ты взяла?

– Я море задницей чувствую.

– Айвазовский, что ли?

– При чем здесь Айвазовский?

– Он тоже рисовал море, стоя к нему спиной.

– Это точно про тебя, – засмеялась Шила. – Сначала ты мне рисуешь море, а потом разворачиваешься тылом ко мне и сладко спишь.

– Финский залив тебя устроит?

– Как сахарозаменитель, – ответила она, отвернувшись от меня, потом долго лежала в задумчивости. По дыханию я слышал, что не спит. Я ее понимал. Она хотела уйти под парусом в море, а я предложил перейти его вброд.

– И вообще, мне нравится Рерих, – подтвердила она мои опасения.

– Это где?

– Не где, а кто.

– Ты думаешь, я не знаю этого художника. Я хотел узнать, насколько далеко.

– Это в Индии, в Гималаях. Я раньше думала, что в жизни так ярко, как на его картинах, не бывает. Оказалось, бывает. В долине цветов.

– В Индию часов девять лететь. Ты же знаешь, мне категорически запрещено летать, даже пассажиром.

– Я знаю, от этого мне еще больше не спится. Все какие-то мысли.

– Перевернись на другой бок.

– А смысл?

– Покажи проблемам прекрасную задницу.

* * *

Черные жемчужины с синим отливом усыпали дно леса. Будто рассыпалось чье-то великое ожерелье. Кто-то рассыпал, а мы собирали. Лисички, выпутываясь из лап зеленого

меха, светились от счастья, что наконец выбрались наружу. Словно мать-и-мачеха легли они, одушевленные победой, на мягкий ковролин под высокими соснами. А здесь мы с ножичками. Артур с Шилой гуляли по лесу, сосредоточившись на грибах и чернике. Богатый воздух, щедрый на кислород, то и дело накатывался волной на легкие, оставляя там частичку своей жизненной необходимости, продлевая жизнь как минимум еще на вздох. Иногда я останавливался, наблюдая, как ловкие пальцы Шилы собирали с веток ягоды в небольшое зеленое ведерко. Особенно крупные она закладывала, словно в ломбард, в свои губы. Я любил ее так, что мне и не снилось. Мне снились совсем другие дела. Сон на новом месте всегда был проблемой для меня. Воспоминания, как катушка спиннинга, который я взял с собой и уже успел покидать, разматывались на бесконечные метры жизни, потом сматывались обратно. Маленькая золотая рыбка болталась на поводке. Словно испытывая судьбу, я безжалостно выкидывал ее в пучину, полную хищников и прочих опасностей, не давая ей полной свободы, управляя ею, то и дело подматывая обратно, тем самым возвращая себя на круги своя. Целью всякой человеческой рыбалки было поймать рыбу покрупнее, среди камней и коряг зацепить нечто большое и прекрасное.

– Ты слышала, как кто-то у соседнего трейлера рыгал с утра? – вырвала неожиданным вопросом меня из чистоты Лапландии Шила.

– Нет. Я, видимо, уснул на тот момент.

– Вчера хорошо посидели.

– Кто?

– Кто-кто? Мы.

– А, я все думаю о бедняге, которому было плохо с утра.

– Что за дурацкая привычка аккумулировать в себе негатив?

– Ты снова о парне? – засмеялся Артур. Он подошел к березе, которая чудом затесалась среди сосен, и обнял ее.

– Я тебя сейчас ударю, – замахнулась на меня Шила зеленой улыбкой ведра.

– Не ревнуй, ягоды рассыплешь. А ежик был классный. Никогда не видел таких ручных. Я понимаю: утки, голуби, но чтобы ежик за колбасой приходил... Он, наверное, больше нас съел.

– Может, он для детей старался. Они же кормят ежат, отрыгивая.

– Значит, тот финн звал своих на первый завтрак? Дети, сейчас позавтракаем и по машинам.

Шила запустила в меня шишку:

– Хватит обнимать березу!

Я успел убрать голову. Шишка попала в ствол.

– Ого, у тебя какой разряд по шишкетанию? – «Она снова меня любит», – завибрировало в моей голове.

«Вот такого я тебя люблю, вот такого», – ответила Шила на звонок еще одной шишкой. Артур снова увернулся.

Вечерами мы гуляли по финским магазинам, просто так, не имея понятия, что может нас там поразить настолько, что захочется оставить себе. Заходили то в один, то в другой.

– Ты еще не устал? – обращалась Шила ко мне на выходе из очередного магазина.

– Ни в коем случае, – держался я.

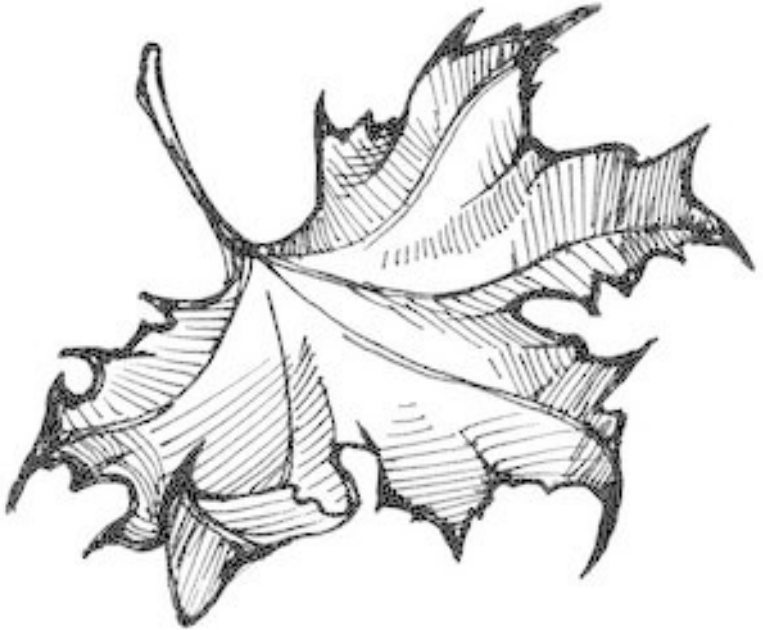
– Надо тебе тоже рубашку купить другую.

– Зачем?

– Должна же я тебя за что-то любить.

– Чтобы хоть за что-то его любить, она покупала ему время от времени новую одежду: то рубашку, то перчатки, то шляпу, то кроссовки, – иронизировал Артур. Я следовал по следам Шилы. Иногда она держала меня на своей руке, словно на поводке, иногда отпускала, отвлекаясь на ту или иную тряпку, как сейчас, и я оставался один в гардеробе материального, не зная, как распорядиться этой свободой. Я бродил меж людей-невидимок, висящих на вешалках в ожидании клиента. Бесполезно трогал на ощупь ту или другую ткань. В мужском отделе было прохладно и пусто, зато в женском шла настоящая жатва. Когда женщине плохо, она идет по магазинам, чтобы никого не видеть, когда женщине хорошо, она идет по магазинам, чтобы ее видели все. Сейчас рядом с ней был мужчина, который подсознательно искал выход.

Для женщины магазин – это релакс, для мужчины – работа, женщина ищет в магазине примерочную, мужчина – выход. Я тоже искал его подсознательно.

За этими мыслями меня подкараулила девушка:

– Can I help you?

Я не растерялся:

– Девушка, не могли бы вы мне найти вот это, примерить? – достал я с полки свой запылившийся английский

и указал рукой на рубашку с белыми пальмами на черном хлопке, которая висела на манекене.

– Такая осталась только у него, – поискав некоторое время необходимое, улыбнулась мне белым полусладким полнотелым лицом продавщица.

– Он не обидится, если мы с него снимем?

– Неужели вас устроит секонд-хэнд? – подхватила мое чувство юмора девушка. Ей не хотелось, ей не хотелось раздевать манекен.

– А что делать? Очень нужны пальмы. В Финляндии они только у этого симпатичного парня.

– Хорошо, попробую договориться. Давно я не раздевала мужчин, – начала она двигать выставочную статую, чтобы поднять мужчину на руки.

– Ваша миссия одевать.

– Это точно, – улыбнулась мне девушка, спустив манекен с постамента.

– В Финляндии все девушки такие?

– Какие такие?

– Неожиданно решительные.

– Нет времени ждать, пока он сам разденется. – Легким движением своей руки отстегнула она его руку.

– Похоже, ему понравилась ваша бескомпромиссность, он сразу же предложил вам руку?

Девушка сняла с манекена рубашку и, вытащив из нее все булавки, протянула мне кусок ткани:

– Вот, возьмите ваши пальмы.

– Спасибо, – взял я рубашку.

– Штаны не нужны? – засмеялась продавщица, пристегивая руку обратно к туловищу пластикового парня.

– Пресс взял бы, штаны нет. Это будет перебор. – Долго вспоминал я, как будет по-английски перебор, и, не найдя нужного слова, довольствовался «слишком».

– Не волнуйтесь, рубашку я ему сейчас надену другую, с цветочками.

– Завидую вашему мужчине, повезло ему с подругой.

– Этому? – посмотрела она на манекен.

– И этому тоже.

Девушка засмеялась.

– Спасибо вам!

– Не за что, – налила мне еще бокал полусладкого белого финка и пошла за цветами для манекена. Я с рубашкой в руке начал искать взглядом удовлетворенную трикотажно Шилу.

Когда одежда ей надоела, пошли лавки с домашней утварью, наполненные теплыми, милыми, вязанными из бежевого уюта вещами. Продавцы улыбались сладко, словно зевали, пытаясь затянуть нас в сказочный сон своих кремовых магазинов.

– Мне очень хочется иметь дом. Такой, чтобы туда все время хотелось вернуться, чтобы каждая вещь обладала своей силой притяжения, а все вместе они сделали бы такой ги-

гантской, что не захотелось бы и уходить из него.

– Типичная семья фрилансеров или безработных.

– Ты ничего не понимаешь в уюте. – Шила взяла с полки изящную фарфоровую чашку: – Вот, такую хочу, чтобы пить по утрам чай. – Она повертела ее в руках, потом перевернула и увидела ценник: – Нет, уже не хочу. Такие жалко будет бить.

– А ты не бей.

– Ты слишком спокойный, чтобы не бить с тобой посуду. А вот это я могла бы сделать сама, – оставила она чашку в покое и переключилась на пустые бутылки, стилизованные под вазы. Потом оглянулась и увидела, что ее никто не слушает. – Что ты все время плетешься сзади?

– Не хочу забегать вперед.

– Ты уже забежал дальше некуда. Наверное, я не буду с тобой больше разводиться.

– Почему ты называешь меня Наверное?

– Кстати, хорошее имя, – улыбнулась она.

– Для сына?

– Да. Наверное, это будет сын. – Она качнула рукой светильник в виде осинового гнезда, который висел на пути ее следования, и, извиняюще улыбнувшись продавщице, двинулась к выходу.

– За всю эволюцию суть женщины не изменилась: она хочет родить детей и быть счастливой. Мужчина же просто должен ей в этом помочь, и желательно по любви, а не по скайпу.

– Ты прав, – рассмеялась моим словам Шила, за которой послушно я двигался, когда мы вышли на улицу. Та медленно спускала нас вниз. Магазины стояли в очереди друг за другом вдоль мостовой. Мы здоровались с некоторыми из них за ручку. Они улыбались. Потом так же прощались. «Ну и что, что мы ничего не купили, может быть в следующий раз». Я кивал в ответ, улыбаться мне не хотелось. «Дорого у вас все».

– В одну реку хочется войти дважды только в одном случае: если вода теплая.

– Это ты к чему? – потерял цепочку остроумия Артур.

– Исккупаться хочется.

– Мне тоже. В славе, например. Мне почему-то все время казалось, что я рожден, сделан для чего-то грандиозного, важного, что я обязательно буду известен, но вот время проходит, а известности как не было, так и нет. И скорее всего, уже не будет, наверное.

– Наверное обязательно будет знаменит. Вот увидишь.

– А я?

– Ты не одинок, миллионы людей хотят быть известными, конкуренция бешеная.

Скоро магазины нам надоели, мы вышли из них изо всех сразу, свернув на улочку, которая спустила нас к зеленому парку, в котором как заведенные пели финские птицы. Песни их были о главном, об умении радоваться жизни, переживая невзгоды, а для того, чтобы научиться летать, достаточно расправить крылья. Там мы встретили пустую скамейку и сели. Вспомнили, как праздновали в этом парке, который был одним большим катком, пару лет назад Новый год, как катались здесь на коньках меж деревьев и целовались до посинения.

Сумасшедший поэт читал стихи вслух, стоя рядом с каким-то памятником.

– Я же тебе говорю. Сумасшедшая конкуренция. Готов ли ты сойти с ума ради этого? На полном ходу.

– Пожалуй, нет.

Скоро поэт пропал так же внезапно, как и явился, только шарф зеленел на чьем-то гранитном барельефе. Мы подошли поближе. Тот оказался тоже поэтом.

– Преемственность.

– Думаешь, тоже психопат?

– Стихопат, – поправила меня Шила.

– Стихи на финском звучат как-то иначе. Что-то рифмы я не заметил. Может, это и не стихи были вовсе, а проза жизни.

– Все зависит от того, как их записать. Стихи мутировали: если вначале они были правильными и в рифму, то постепенно они стали более универсальными, пока в один прекрасный день наконец не обрели независимость от рифмы.

– Выключай филфак.

– Это не филфак, это сенсоры. Хотя пять лет на филфаке, в этом прекрасном курятнике сплетен и рассаднике чувств, где, как известно, один парень на десять девчат, не прошли даром.

– Вижу, они прошли по тебе. Думаешь, тот поэт один из счастливичков?

– Однозначно, ты видел, как он вдохновенно читал.

– Жаль, непонятно было о чем.

– Все стихи о любви. Отсюда его сенсорное понимание женщин, – начала фантазировать Шила.

– Допустим, что за пять лет учебы он так или иначе был втянут в их личное пространство, в их бабский космос. Что дальше?

– Он даже не сопротивлялся, просто летел по орбите, а вокруг одинокие планеты, загадочные галактики и неприступные звезды. Он смотрел на них, общался, отрывал их других и себя, тоже другого, более чувственного, что ли.

– А потом он встретил ее, и пошла поэзия. Страдания, мучения, терзания, сигареты, пиво, вино, спирт и стихи, стихи, стихи.

– Надо же было чем-то закусывать чувства. В любви все на грани реального и вымышленного, рационального и безумного, мужского и женского. Думал, что пишет для себя, на проверку, оказывается, для них, для нее. Кто еще, как не мужчина, должен писать женщину?

– Только он, – погладил я руку памятнику, и, видимо, не первый и не последний, потому что палец, в отличие от остальной бронзы, стал уже золотым от частых прикосновений. – Почему я пошел на летчика? Читал бы тебе сейчас стихи.

– Ни в коем случае. Для мужчины филология – это не наука, это чувство женщины.

– А авиация?

– Ее возвышение.

В знак одобрения этих слов я обнял за талию Шилу и уткнулся в ее копну волос.

– Золотые руки, – тоже не удержалась и взялась за палец поэта Шила. Его указательный палец блестел точно так же, как лапы у бронзовых скифов в Питере напротив Академии искусств. Тем поклонялись вечные студенты, этим – временные поэты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.